

**Типология акциональности:
свойства финитной клаузы, классификация глаголов и единый
подход к словоизменительному и деривационному виду**

© 2019

Бьёрн Вимер

Майнцский университет имени Иоганна Гутенберга,
Майнц, Германия; wiemberb@uni-mainz.de

Аннотация: В обзоре подробно обсуждаются две тесно связанные друг с другом монографии С. Г. Татевосова. В книге «Акциональность в лексике и грамматике (Глагол и структура события)» (2015) дается систематический анализ отдельных составляющих финитной клаузы, влияющих на ее акциональное значение; анализ опирается на предпосылки и средства теоретико-модельной семантики и генеративного синтаксиса. В частности, показывается, что вклад в акциональное значение финитной клаузы привносится даже определенными приставками. Этот факт служит аргументом в пользу рассмотрения морфем как самостоятельных элементов синтаксической деривации. На этой основе во второй книге — «Глагольные классы и типология акциональности» (2016) — разрабатывается процедура выделения акциональных классов в языках разных типов, причем в обход «проблемы непрямого доступа», т. е. невозможности точно установить, каким образом разнообразные компоненты семантики глаголов (или их морфем) и компонентов клаузы влияют на акциональное поведение более крупных составляющих. Чтобы избежать порочного круга, автор выдвигает способ определения акциональных классов без опоры на знания о видовой системе того или иного языка. В плане типологического сопоставления автору удается провести свой анализ акциональных классов в трех неродственных языках. Особое внимание уделяется сопоставимости акциональных классов в языках со словоизменительным видом, с одной стороны, и в языках со словоклассифицирующим видом, с другой. Представителем последнего типа является русский язык. Открытым остается вопрос, как должным образом учесть ряд свойств словоклассифицирующей видовой системы, если весь анализ касается в основном лишь финитной клаузы, а кроме того, соотношение между видовыми и временными функциями описывается в духе генеративного синтаксиса, учитывавшего только видовые системы словоизменительного (в том числе и аналитического) типа.

Ключевые слова: акциональность, вид, генеративный синтаксис, композициональность, теоретико-модельная семантика, типология видовых систем, финитная клауза

Для цитирования: Вимер Б. Типология акциональности: свойства финитной клаузы, классификация глаголов и единый подход к словоизменительному и деривационному виду // Вопросы языкознания. 2019. № 1. С. 93–129. DOI: 10.31857/S0373658X0003595-3.

**Typology of actionality:
properties of the finite clause, verb classification,
and a uniform approach to inflectional and derivational aspect**

Björn Wiemer

Johannes Gutenberg-Universität Mainz, Mainz, Germany; wiemberb@uni-mainz.de

Abstract: This survey discusses two interconnected monographs written by Sergey G. Tatevosov. The first book — “Actionality in lexicon and grammar (Verb and event structure)” (2015) — supplies a systematic analysis of the share which different constituents of the finite clause have for the aspectual meaning of the

latter. The analysis is based on the premises and tools of model-theoretic semantics and generative syntax. In particular, the author shows that even certain prefixes influence the aspectual meaning of the finite clause. He employs this fact to argue that morphemes can take part in syntactic derivation. On this basis, the second book — “Verbal classes and typology of actionality” (2016) — is devoted to the elaboration of a procedure that allows for aspectual verb classes to be established in languages of different types. Emphasis is laid on the “problem of indirect access”, i. e. the impossibility to determine sufficiently exactly in which way various components in the semantics of verbs (and their morphemes) and of clausal components influence the aspectual meaning of larger constituents. In order to avoid a vicious circle, the author proposes a procedure by which aspectual verb classes of language are established without recourse to knowledge of their aspect system. As concerns typological comparison, the author provides an analysis of aspectual verb classes in three unrelated languages. Special attention is paid to the comparability of aspectual verb classes in languages with inflectional aspect and languages with word-classifying (i. e. stem-derivational) aspect. Russian is a representative of the latter type. A big open question remains when it comes to doing justice to some peculiarities of word-classifying aspect systems, since the analysis has been mostly restricted to the finite clause. Moreover, the relationship between functions of aspect and of tense has entirely been based on premises of generative syntax, which has accounted only for systems with inflectional (including analytic) aspect.

Keywords: actionality, aspect, compositionality, finite clause, generative syntax, model-theoretic semantics, typology of aspectual systems

For citation: Wiemer B. Typology of actionality: properties of the finite clause, verb classification, and a uniform approach to inflectional and derivational aspect. *Voprosy Jazykoznaia*. 2019. No. 1. Pp. 93–129. DOI: 10.31857/S0373658X0003595-3.

Введение

Рецензируемые монографии связаны очень тесно, и в известном смысле первая готовит почву для второй. Тем не менее, каждая из них является целостной и самодостаточной; их единство объясняется происхождением: в них отражается содержание докторской диссертации С. Г. Татевосова (далее именуемого «автором»). В книге «Акциональность в лексике и грамматике» (далее АЛГ) излагается общая модель семантической декомпозиции акционального значения предложения (точнее, финитной клаузы), тогда как книга «Глагольные классы и типология акциональности» (далее ГКТА) посвящена процедуре выделения акциональных классов; в ней расставляются вехи для описания типологической вариативности акциональных систем [АЛГ: 328–329]. Автор пользуется описательным аппаратом формальной семантики, но применяет также элементы генеративного (минималистского) синтаксиса. Изложение очень четкое, в нем почти нет недостающих звеньев аргументации и каждая глава завершается ясно и в точку написанным резюме. Объем обеих книг (особенно ГКТА) частично объясняется тем, что автор в начале новых тематических блоков довольно обстоятельно возвращается к ранее изложенным рассуждениям, напоминая об узловых моментах. Такой прием, конечно, обеспечивает связность. Он облегчает понимание даже крупных блоков аналитических шагов вместе с их теоретическими предпосылками. Кроме того, экскурсы в историю изучения тех или иных вопросов позволяют сравнить методологию и достижения альтернативных подходов. Эти экскурсы делают обе книги местами похожими на энциклопедические справочники по истории специальных исследований (с большим количеством ссылок). Это особенно полезно для тех, кто не является специалистом по формальной семантике и генеративному синтаксису. К этому нужно добавить специальные подразделы под названием «Формальные фрагменты» в АЛГ и приложения в ГКТА (см. ниже). Тем не менее понимание многих, в том числе узловых, моментов аргументации предполагает знакомство с гносеологическими предпосылками, понятиями и символической записью теоретико-модельной семантики.

Отражая многолетний опыт и целеустремленный труд автора, монографии подкупают последовательностью и эксплицитностью, с которой разворачивается внутренняя логика, превосходно сформулированная в начале каждой книги и позволившая автору выдержать

на более чем 800 страницах свою программу. Она, по сути дела, не только соединяет формальную семантику с типологией акциональных систем, но и закладывает основу (в рамках теоретико-модельной семантики) для описания таких систем на стыке между видо-временными системами и лексической типологией глагольных предикатов. Оценка достоинств, но также и ряда недочетов должна быть соотнесена с этим главным достижением, т. е. с тем, что автору действительно удалось создать методологически связную основу для охвата и сравнения акциональных систем и учета всех «ингредиентов», которые влияют на акциональную интерпретацию финитной клаузы в целом.

Ряд уязвимых мест связан с трактовкой словоклассифицирующего вида на фоне предположений, сделанных на основе финитной клаузы (см. рис. в разделе 1.1). За немногими исключениями, мое изложение следует порядку глав и разделов в обеих книгах. Ссылки на разделы в этих книгах будут даваться со знаком параграфа (§), ссылки на разделы данного обзора — без этого знака.

Уместно сразу оговориться относительно двух центральных терминов. Во-первых, в соответствии с практикой в АЛГ и ГКТА, термин «акциональный» будет относиться к акциональным свойствам лексем или составляющих любого формата безотносительно к каким-либо видовым показателям (если в данном языке они есть), в то время как «аспектуальный» является обозначением свойств именно таких показателей. Во-вторых, термины «предельность» и «предельный» автор употребляет в узком смысле: эти понятия относятся только к событию, в экстенционал которого входит достижение предела («кульминация»), но не к процессу, который предшествует этому событию. То есть не считаются предельными предикаты, описывающие процессы с имплицитным пределом, достижение которого происходит вне асцерции (например, *Саша ел яблоко, Дина завязывала сыну шнурки*); среди процессов предельные и непредельные не различаются (т. е. все процессы непредельны)¹. Таким образом, практика в АЛГ и ГКТА следует традиции англоязычной формальной семантики, ставящей акцент на акциональной композиции, но она расходится не только с рядом влиятельных работ по славянской аспектологии, следующих ранним работам Ю. С. Маслова (см. [Маслов 1948/2004]), но и с актуальными исследованиями по ареальной типологии, интересующимися ролью глагольных приставок (и, шире, превербов) в становлении и функционировании видовых систем, в частности, в славянских языках (см. [Arkadiev 2014; Аркадьев 2015; Вимер 2017; Wiemer, Seržant 2017]). Однако, как показывают примеры из таблицы ниже, различная трактовка возникает только в тех случаях, когда имперфективный предикат (и его аргументы) описывает процесс, в котором заложен внутренний предел².

Таблица

Различные трактовки понятия предельности

	АЛГ + ГКТА	ранний Маслов, Аркадьев и др.
(1) <i>Кирилл писал статью.</i>	[– предел] [– PFV]	[+ предел] [– PFV]
(2) <i>Кирилл сидел в комнате и писал.</i>	[– предел] [– PFV]	[– предел] [– PFV]
(3) <i>Петя свою статью написал.</i>	[+ предел] [+ PFV]	[+ предел] [+ PFV]
(4) <i>После завтрака я посидел и написал за столом (потом собрал вещи и вышел).</i>	[– предел] [+ PFV]	[– предел] [+ PFV]

¹ См. особенно [АЛГ: 62–69; ГКТА: 157–158, 175 и сл., 208]. Исключение (ошибка?) допускается только в [ГКТА: 213]: автор говорит о предельном процессе по отношению к глаголу перемещения, интерпретируемому как однонаправленный (и поэтому имплицитному конечную точку, хотя она может и не достигаться).

² Поскольку такое допущение связано с интерпретацией содержательных (интенциональных) аспектов семантики глагольных лексем и не может охватываться экстенциональными свойствами, на которых строится используемая автором формальная семантика, то понятно, почему (не)предельность не различается для процессов.

Строго говоря, предложение (1) может и не имплицировать предела (после достижения которого деятельность, описываемая имперфективным предикатом, исчерпывается); например, в ситуации, когда коммуникативный фокус сосредоточивается не на инкрементальных свойствах ($\approx$ с каждым субинтервалом возникает все больше частей письма³), а на том, к какому жанру текста относится объект письменной деятельности (*Кирилл писал не записку, а письмо*), или на самом типе деятельности (*Кирилл статью не рисовал, а писал*). То есть предельная интерпретация может зависеть еще от ряда факторов, например от намеренности; она и объясняет возможность конативного прочтения (*Кирилл долго писал статью, но так и не написал ее*); см. ниже (1.4).

Как бы то ни было, из таблицы видно, что различная трактовка (не)предельности не имеет последствий для определения акциональных свойств на уровне предложения. Соответственно, она практически не отражается на созданной автором классификации акциональных типов. Предельность сама по себе не определяет видовой оппозиции, поэтому перфективными могут быть и предикаты без внутреннего предела (например, *посидел*); автор этих различий последовательно придерживается (см. 1.2). Зато на классификацию заметно влияет решение автора считать, что любой предикат, обозначающий событие, тем самым обозначает и смену ситуации (т. е. вхождение в состояние / в процесс); см. 2.1. Кроме того, узкая или широкая трактовка (не)предельности сказывается тогда, когда нужно определить соотношение между бесприставочными (простыми) и приставочными основами глаголов (например, в русском языке), а роли приставок автор приписывает большое значение (см. 1.5). Во избежание недоразумений я по умолчанию буду использовать понятие «предел(ьный)» применительно к кульминационному моменту, после которого наступает новое состояние (или процесс), но там, где я буду говорить о предельных процессах или внутреннем пределе, я намеренно буду отклоняться от словоупотребления автора.

1. «Акциональность в лексике и грамматике» (АЛГ)

АЛГ состоит из краткого введения, пяти глав, краткого заключения, списка литературы, предметного указателя и раздела «Принципы подачи материала», в котором объясняется оформление примеров и их переводов, а также дается список условных сокращений в глоссах.

Глобальная структура книги вытекает из схемы на рис. (см. ниже). Главы 2–5 по очереди посвящаются отдельным «слоям» (или уровням) финитной клаузы. Их четыре, и каждый вносит свой вклад в акциональную интерпретацию; глава 1 содержит обзор проблем, связанных с каждым из слоев. Четыре уровня совокупно объясняют, «как акциональность создается и видоизменяется в процессе синтаксической и семантической деривации» [АЛГ: 13]. Эти уровни, или модули, следующие: (I) **теория вида**, описывающая, что происходит с акциональной семантикой предиката при присоединении видовых показателей (см. гл. 2); (II) **теория акциональной композиции**, которая выявляет вклад глагольных актантов, включая адьюнкты (см. гл. 3); (III) **теория лексического представления глагольного значения**, которая определяет, какие акциональные характеристики задаются в словаре (см. гл. 4); (IV) **деривационная теория**, которая объясняет, как семантика деривационных морфем воздействует на акциональность (см. гл. 5). Каждая из глав 2–5 содержит (обычно в конце) соображения по формализации описания («Формальные фрагменты»). Здесь сразу подчеркнем две вещи. Во-первых, нефинитные клаузы не учитываются, т. е. все изложение нацелено на описание клауз, вершиной которых является морфологически финитный глагол³. Такое ограничение оказывается существенным для оценки целого ряда обобщений,

³ Кроме того, автор намеренно отказывается от рассмотрения других глагольных категорий, если они, по его мнению, «не взаимодействуют с акциональностью» [АЛГ: 18].

выдвинутых автором. Во-вторых, в соответствии с генеративной программой, автор придерживается точки зрения, что все семантические процессы и свойства (кроме дескриптивных свойств лексем) выводимы из синтаксических процедур. Этот постулат выдерживается и в применении к морфологической структуре глаголов, точнее, к связи между лексическим корнем и некоторыми приставками (хотя и не всеми; см. гл. 5). И в этом смысле позиция автора явно антилексикалистская.

1.1. Глава 1

В этой главе формулируются главные вехи исследования. Краткое введение в проблематику акциональной семантики финитной клаузы построено последовательно по принципам, известным из X' -теории генеративного синтаксиса. Поэтому структура финитной предикации представляется следующим образом [АЛГ: 15]:

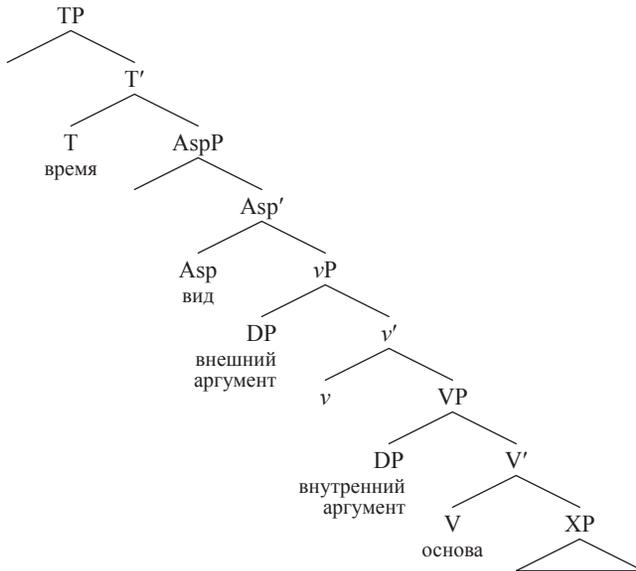

Рис. Структура финитной предикации

В основе этой модели лежат следующие общие положения: (i) VP — минимальная фразовая составляющая, которая может быть охарактеризована в акциональных терминах; (ii) любая составляющая, содержащая в себе VP, также может быть охарактеризована в акциональных терминах; (iii) акциональное значение формируется глаголом, его аргументами и некоторыми адьюнктами, т. е. компонентами vP («легкого» v), см. [АЛГ: 26]; (iv) компоненты синтаксической структуры соединяются семантически композиционно. Из этого следует, что акциональное значение нарастает монотонно «снизу вверх» по указанному на рис. дереву (см. также [ГКТА: 97–98]). Например, как предельная определяется группа vP и ее составляющая VP [АЛГ: 16]:

- (5) а. *Володя съел яблоко.*
 б. [vP Володя [vP съед- яблоко]]

Следует обратить внимание на то, что *vP* представляется как составляющая, «в которой уже присутствует подлежащее, но еще отсутствуют словоизменительные глагольные категории» [АЛГ: 19]. Возникает вопрос, какой реальной языковой единице соответствует такой конструкт⁴. Существует ли тест, с помощью которого такую единицу можно вычленишь? Кроме того, автор многократно подчеркивает, что как временная, так и видовая (аспектуальная) информация **всегда** добавляется поверх *vP* [АЛГ: 25, особенно сн. 6, et passim]. Вид получает «на вход» уже готовую структуру, изображенную в (5б). Этой предпосылки автор жестко придерживается, хотя видовую оппозицию русского языка (СВ — НСВ) он признает словоклассифицирующей, а одна из главных задач ГКТА состоит в том, чтобы определить, как установить акциональные классы в языках со словоклассифицирующим видом и как соотносить их с классами в языках со словоизменительным видом (см. 2.4).

Обсуждение уровней акциональной деривации проводится «сверху вниз», начинаясь с узлов выше *vP* и постепенно переходя ко все более низким узлам. Поэтому вклад деривационных морфем обсуждается последним, хотя в деривации акционального значения они должны учитываться первыми — вместе с (простыми) основами, к которым они присоединяются.

1.2. Глава 2: Теория вида

Обсуждаются две проблемы: 1) соотношение видового компонента содержания предложения с остальными компонентами акциональности; 2) выделение и систематизация частных видовых значений.

В связи с первой проблемой подробно обсуждаются различия между двух- и однокомпонентными теориями взаимодействия вида и акциональности [АЛГ: 25–35]. Представителями двухкомпонентных теорий являются [Smith 1997; Brey 1994 и сл.; Lehmann 1988; 1993 и сл.; Bickel 1997; Bertinetto, Delfitto 2000; Johanson 1996; 2000]⁵. Представителями однокомпонентных теорий можно признать [Demirdache, Uribe-Etxebarria 2000; von Stechow 2009], а в среде славистов известным сторонником такой теории выступал Ст. Каролак (см. [Karolak 2001], раздел «Aspekt: problemy semantyczne»).

Различие между двух- и однокомпонентными моделями сводится к трактовке взаимодействия между тем, что включается в *vP*, и тем, что привносится компонентами выше этого уровня. Приверженцы однокомпонентной модели не видят существенных различий между акциональностью (нижними уровнями, включая *vP*) и уровнем выше *vP* (Asp и T) и предполагают, что единицы на всех уровнях содержательно идентичны. С этим связано заметное стремление отождествить понятия предела и целостности, также известных как качественный vs. количественный предел (подробнее см. [АЛГ: 62–69]). Если последнее признается пределом, «различие между предельностью и перфективностью (...) в значительной степени утрачивается, а общая архитектура теории делается последовательно однокомпонентной» [АЛГ: 62]. Напротив, по мнению сторонников двухкомпонентной модели, значения компонентов вплоть до уровня *vP* коренным образом отличаются от вклада, привносимого в семантику предложения словоизменительными показателями (ср. также [ГКТА: 428]). Согласно тем двухкомпонентным подходам, которые используются методами теоретико-модельной семантики, вид определяется в тесном переплетении со временем, точнее с теми

⁴ Позже поясняется, что «на уровне *vP* создается описание ситуации (= событийный предикат), в котором представлены его участники, определены отношения между этими участниками и заданы дескриптивные свойства этих отношений» [АЛГ: 108]. Это равняется словарному описанию предикативной единицы с ее аргументной структурой (плюс возможные адьюнкты, влияющие на акциональность).

⁵ В принципе сюда относятся все представители «radical selection theories» (см. обзор в [Sasse 2002]).

свойствами, которые поддаются описанию интервальной семантики: «акциональность укореняется во вневременных характеристиках событий, а вид — в том, как эти события реализуются во времени» [АЛГ: 96]. В такой формулировке видно, что виду не приписываются свойства вне связи с показателями времени. Анализы в АЛГ и ГКТА как исходную точку берут словоизменительные системы, точнее, такие, в которых вид и время выражаются одними и теми же морфемами. Поэтому нельзя сказать, чтобы результаты анализов были применимы — без ряда модификаций — к видовым системам типа английской, а тем более русской, поскольку акциональное поведение у них может определяться уже на уровне нефинитных глагольных групп (ср. англ. *to be talking, to have been eating*, в русском языке ср. любой инфинитив).

Автор занимает промежуточную позицию между двух- и однокомпонентными подходами. С одной стороны, он присоединяется к двухкомпонентным моделям в том смысле, что он довольно четко отграничивает процессы ниже vP от вклада показателей выше vP , а весь его подход к определению акциональных классов, которому посвящена ГКТА, мыслим только в рамках двухкомпонентной модели. С другой стороны, антилексикалистская позиция, с которой даже определенные приставки трактуются как единицы синтаксической композиции акционального значения предложения (см. 1.5), роднит его подход с однокомпонентными теориями. См. также ниже по поводу вопроса, есть ли языки без вида.

Странным является причисление Ю. С. Маслова к представителям однокомпонентной теории [АЛГ: 30]. Видимо, автор имеет в виду работы «позднего» Маслова (см. цитату из работы [Маслов 1973]). В них понятие «предел» распространялось и на чисто временные ограничения, т. е. оно практически отождествлялось с целостностью или с перфективностью. «Поздний Маслов» много внимания уделял вопросу редукции значения видовых граммем и практически отошел от своего раннего подхода к определению акциональных типов глагольных лексем, восходящего к статье [Маслов 1948/2004]. На самом деле, Маслов подразумевал, что акциональные типы взаимодействуют с видом **по умолчанию**, т. е. вид накладывается на лексемы, предопределяющие отдельные акциональные типы⁶.

Автор в дальнейшем следует предпосылкам семантики событий по Д. Дэвидсону, исходящей из аналогии между индивидами-объектами ('стол', 'собака' и т. д.) и событиями ('стол (с)ломался', 'собака (по)лаяла') [Davidson 1967]. Последствия такого положения — а также его дальнейшей разработки в рамках неодавидсоновской семантики (вслед за [Parsons 1990], см. особенно [ГКТА: 398–404]) — просматриваются во всей книге, но особенно в § 2.6, где обосновывается статус количественных и фазовых видовых значений и их отличия от значений линейного вида, а также в главе 3, где мереологическая концепция М. Крипки используется для обоснования акциональной композиции.

Теперь перейдем ко второму комплексу вопросов — к выделению видовых значений [АЛГ: 35–52]. Как обосновать состав частно-видовых значений? Этот вопрос встает как в описании одного языка, так и в типологическом плане. Автор сопоставляет два пути к решению этой проблемы: (а) априорный, на основе логического исчисления (см. [Мельчук 1998]); (б) эмпирический, когда сравниваются, какие видо-временные формы употребляются в однотипных ситуациях (см. [Dahl 1985]). Основная проблема подхода (а) в том, что даже если набор признаков и измерений может как-то обосновываться дедуктивно, то непонятно, как совладать со взрывом комбинаций из разных категорий, многие из которых

⁶ Подход раннего Маслова был воспринят, и развивался дальше, типичными представителями двухкомпонентной теории. К продолжателям его идей относится в том числе ряд московских лингвистов, начиная с Т. В. Булыгиной; см. особенно работы Е. В. Падучевой, разрабатывающие таксономические категории [Падучева 1996: 84–151; 2004], а также работы Анны А. Зализняк, А. Д. Шмелева и др. (см. 2.4). Поэтому странно звучит замечание, что анализ видового противопоставления Анны А. Зализняк и др. «отличается от анализа Ю. С. Маслова по всем принципиальным пунктам», за исключением охвата видовых граммем одними акциональными терминами [АЛГ: 30–31].

не имеют никакого соответствия с категориальными различиями, встречаемыми в естественных языках. Вместе с тем, остается загадкой, почему в одних языках признаки выражаются синкретично (в морфемах-портманто), а в других раздельно, например агглютинативно. В подходе Э. Даля автор, напротив, критикует то, что состав и распределение типов «граммов» («crosslinguistic category types», «межъязыковые категориальные типы», далее — МКТ)⁷ устанавливались с помощью стереотипных ситуаций (в опроснике), и непонятно, как из их распределения выводится их семантика. Автор указывает, что одно дело — пытаться определить семантику граммы (или МКТ), а другое — объяснять семантику граммы в комбинации с неким идеализированным глаголом. Он критикует то, что семантика грамматического показателя заменяется на сочетаемость грама с глаголами, с которыми данная семантика проявляется особенно ярко. Тем не менее автор пользуется опросником Даля, чтобы установить области пересечения видовых МКТ и тем самым редуцировать их до пяти основных значений: перфективного, прогрессивного, собственно перфектного, экспериенциального и хабитуального [АЛГ: 60–61]. Под эти универсальные значения подводятся отдельные, часто более специфические МКТ. Важно осознавать, что эти значения относятся к линейному виду [Плунгян 2000: 296–303; 2011: 377–382], который автор считает видом в собственном смысле, противопоставляя его фазовому и количественному виду (§ 2.6)⁸.

За фазовым, количественным и «собственно» видом стоят независимые друг от друга семантические характеристики, что доказывается уже тем, что в ряде языков их показатели сочетаются друг с другом довольно свободно. Особый статус линейного вида оправдывается еще концептуально: линейный вид не предполагает отношения к какой-либо более простой ситуации, тогда как множественные и начинательные значения существуют лишь благодаря более простым ситуациям [АЛГ: 106–108]. Кроме того, только количественный и фазовый вид влияют на тип ситуации (на уровне vP и ниже), т. е. с точки зрения теоретико-модельной семантики они меняют экстенционал событийных индивидов [АЛГ: 110], поэтому их обсуждение относится к деривационному компоненту теории (§ 5.5). Автор ни в АЛГ, ни в ГКТА не объясняет, почему хабитуальное значение относится к линейной аспектuality, то есть чем оно отличается от итеративного, которое автор причисляет к количественному виду. И тот и другой предполагают разрывность интервалов, т. е. наличие промежутков между отдельными событийными объектами, входящими в экстенционал этих МКТ.

В ходе анализа значений линейного вида автор уточняет, что предел можно понимать как внутреннее ограничение ситуации, которое устанавливается на уровне vP или ниже, т. е. для него (не)предельность — основное свойство акциональности, а целостность является определяющим свойством перфективных граммем и, следовательно, относится к теории вида. Далее понятие целостности и связанные с ним метафорические понятия, такие как наблюдаемость, уточняются с помощью ключевых понятий Topic Time (ТТ) и Time of Situation

⁷ Термин «грамм» был введен в работах Э. Даля и Дж. Байби [Bybee, Dahl 1989; Bybee et al. 1994; Dahl 2000] для обозначения выражений (морфем, конструкций), которые в конкретных языках выражают специфические значения, относящиеся к какой-нибудь одной области (например, вида), причем часто сопрягаются со специфическими значениями из соседних областей (например, времени или наклонения), создавая кластеры. Термин «граммема» тоже относится к той или иной грамматической категории конкретного языка, но, в отличие от граммов, граммы меньше привязаны к форме выражения и, что важнее, сами по себе не учитывают наложения со значениями других, хоть и «родственных» категорий. Граммы просто указывают на какое-то одно значение Z_i , которое встроено в систему смысловых оппозиций Z_{1-n} , определяющих категорию K_i безотносительно к другим категориям K_{1-n} . Отграничивать граммы от граммов, которые в большей степени нацелены на форму выражения и типичные кластеры грамматических значений, не всегда легко и не всегда важно, однако в дальнейшем я постараюсь выдержать описанное выше различие. Сокращение «МКТ» является синонимом термина «грамм».

⁸ Последний комплекс значений известен также как «глагольная множественность».

(TSit) из теории В. Кляйна [Klein 1994]. TT — это время, о котором делается утверждение в предложении⁹, а TSit, по сути дела, сводится к акциональной ситуации, т. е. к денотату vP («временной интервал от левой временной границы ситуации до правой временной границы» [АЛГ: 65]).

Перфектное значение объясняется как значение перфекта за вычетом экспериенциального значения [АЛГ: 69], так как ЭКСПЕРИЕНТИВ¹⁰ включается в ПЕРФЕКТ как его подмножество. Подчеркнем, что это соотношение не дает семантического описания ЭКСПЕРИЕНТИВА, а также не отвечает на вопрос, как ПЕРФЕКТ следует описывать формально. Автор предлагает формально-семантическое представление перфектного значения, т. е. таких употреблений перфектных граммов, которые указывают на прямые или косвенные следствия ситуаций для момента речи, если правая граница фокусного времени совпадает с моментом речи. Но тогда непонятно, чем от этого значения отличается ЭКСПЕРИЕНТИВ, который употребляется, когда момент речи и время ситуации разнесены (ср. схемы 9–11 в [АЛГ: 71, 77]): в обоих случаях правая граница фокусного времени непосредственно примыкает к моменту речи. Хабитуальные, а также экспериенциальное и перфектное значения в дальнейшем играют лишь подчиненную роль; автор сосредоточивается на перфективном и прогрессивном значениях [АЛГ: 82–83].

Дальше автор высказывает сомнения в том, что бывают языки без вида [АЛГ: 85–89]. Отметим, что сам такой скепсис вызывает парадокс: понимает ли автор вид как категорию грамматическую, или на самом деле он видит в нем концептуальную область (часто называемую «аспектуальностью»)? Ведь не все языки «обязаны» иметь все грамматические категории. Например, в русском языке нет артиклей, но все-таки есть средства, которые с большей или меньшей надежностью служат для различения определенных и неопределенных именных групп. Но вряд ли на этой основе мы будем утверждать, что русский язык обладает артиклями. Аналогичное соотношение мы наблюдаем между видом и акциональностью. Между тем, хотя автор справедливо указывает на то, что славянский (и, тем более, русский) вид не может считаться эталоном для видовых систем в языках мира, он затем практически сводит вид к акциональным различиям, независимо от того, на каком уровне устройства глагола, предиката или клаузы эти различия проявляются (т. е. в соответствии с однокомпонентными моделями). Свою аргументацию автор строит на распределении акциональных свойств глагольных лексем, однако на место диапазона акциональных свойств (лексем, глагольной группы и т. д.) он подставляет «набор видовых интерпретаций»: «Подлинная задача — выяснить, какой набор видовых интерпретаций допускает каждая из форм глагольной парадигмы, и предложить адекватный анализ этих интерпретаций». Тогда получается, что «“языком без вида” можно признать только такой язык, в котором ни одна из глагольных форм не имеет ограничений на набор допустимых аспектуальных интерпретаций» [АЛГ: 89].

Итак, например, хотя немецкий претерит признается типологически весьма редким случаем такой «аспектуально безразличной формы», автор возражает, что в немецком языке вид все-таки есть, поскольку презенс не допускает перфективной интерпретации. В качестве иллюстрации приводится пример с бесприставочным глаголом, допускающим предельную интерпретацию (ср. пример 6 из [АЛГ: 89]). Однако, вопреки утверждению автора, такой глагол допускает и прогрессивную, и хабитуальную, и перфективную интерпретацию (см. 7a–в), т. е. он в своем наборе акциональных функций не ограничен:

- (6) *Otto ißt Schokolade.*
 1. 'Отто **ест** шоколад (сейчас / регулярно)'.
 2. *'Отто **съел** / **съест** шоколад'.

⁹ Видимо, из-за этого определения автор перевел его на русский язык как «фокусное время».

¹⁰ Малыми прописными буквами обозначаются межъязыковые категориальные типы (МКТ), а в ГКТА — акциональные значения лексем (см. ниже).

- (7) а. *Sieh, Otto **ißt** seine Schokolade **auf** / **schneidet** sich eine Scheibe Brot **ab**.*
 ‘Смотри, Отто **ест** (**съедает**) свой шоколад / **отрезает** себе ломоть хлеба’.
- б. *Jeden Abend **ißt** Otto eine Tafel Schokolade (**auf**) / **schneidet** sich Otto eine Scheibe Brot **ab**.*
 ‘Каждый вечер Отто **ест** (**съедает**) плитку шоколада / **отрезает** себе ломоть хлеба’.
- в. *Und nun **ißt** Otto seine Schokolade **auf** (und geht [dann] zufrieden aus dem Zimmer). / Und nun **schneidet** sich Otto eine Scheibe Brot **ab** (und schnalzt [dann] vergnüglich mit der Zunge).*
 ‘А сейчас Отто **съедает** (**ест**) свой шоколад (и [потом] довольный выходит из комнаты)’./
 ‘А сейчас Отто **отрезает** себе ломоть хлеба (и [потом] весело щелкает языком)’.

В рассуждении автора наблюдаются две ошибки. Во-первых, из факта, что (6) нельзя перевести с помощью русского СВ (#*Omno съел / съест шоколад*), он делает заключение, что форма настоящего времени глагола *essen* ‘есть’, как в (7а–в), не может интерпретироваться перфективно. На самом деле, отсутствие такой возможности перевода свидетельствует о свойствах русской видо-временной системы, но не об отсутствии перфективной интерпретации у немецких глаголов в настоящем времени. В обоих языках приставки могут придавать (и обычно придают) глагольной основе предельную семантику (или они подчеркивают предел, имплицуемый уже бесприставочной основой), а этот предел сам по себе способствует перфективации. Однако, в отличие от русского, в немецком языке приставка, с одной стороны, не превращается в показатель чисто временного ограничения, а с другой стороны, внутренний предел в немецком языке не ограничивает диапазон временных прочтений. Напротив, в русском языке ф о р м ы настоящего времени основ СВ (к которым относятся преобладающее большинство приставочных глаголов) «выталкиваются» из диапазона обычных функций настоящего времени, по умолчанию обозначая будущее время, а если нужно указать на события в настоящем (например, в нарративном контексте), то «взамен» употребляются глаголы НСВ, которые в таком грамматическом контексте обладают принципиально таким же диапазоном функций, как немецкие глаголы. Впрочем, нарративные контексты попутно упоминаются также в ГКТА, но для теоретических построений автора они никакого значения не имеют. При этом следует отметить, что замены, подобные тем, которые отмечаются в нарративном настоящем, важны для понимания тривиальных отношений между глагольными лексемами в парах СВ — НСВ, к которым мы вернемся при обсуждении гл. 5 ГКТА.

Во-вторых, даже если отдельные глагольные формы обнаруживают предпочтения для суженного круга акциональных значений, то следовало бы сначала попытаться установить, обусловлены ли такие предпочтения свойствами финитной клаузы (т. е. вводятся в узлах Asp или T; см. рис.) или акциональным потенциалом лексем (т. е. свойствами «ниже» узла vP). Здесь автор не считался с «проблемой непрямого доступа» (см. 2) и сам отступил от принципов двухкомпонентного анализа, поскольку он ставит на один уровень акциональные различия глагольных основ (включая (не)предельность) и системные различия, вытекающие из противопоставления этих основ по наборам функций (что включает ограничения на сочетаемость с граммами других глагольных категорий и учет парадигматических отношений¹¹). Такое противопоставление в русском языке имеется (автор много места посвя-

¹¹ На последние автор обращает внимание (хоть и имплицитно), указывая на то, что видовые оппозиции могут создаваться на том основании, что в каком-то языке возникает маркер для особого аспектуального значения, а грам, уже существовавший до того, меняет свой статус [АЛГ: 87–88]. Так это случилось в английском языке: с момента появления прогрессива (Continuous Forms) простой претерит (Simple Past) и простой презент (Simple Present) были переосмыслены как противоположность прогрессиву и впоследствии стали способны выражать только перфективное или хабитуальное значения.

щает его обсуждению, особенно в ГКТА), а в немецком языке наблюдается скорее только на уровне «предпочтений».

В итоге аргументация не только опирается на ложные предпосылки, но и строится на легко опровержимых обобщениях относительно фактов конкретного языка, в данном случае немецкого. Тем самым, остается открытым вопрос, существует ли такой язык, в котором «ни одна из глагольных форм не имеет ограничений на набор допустимых аспектуальных интерпретаций» (см. выше), но релевантность такого вопроса для типологии видовых систем теряет значимость, поскольку на самом деле речь здесь идет о дистрибутивных качествах предикативных единиц, а не о том, что «добавляется поверх» уровня vP. В этой связи также необходимо осознать, что в ГКТА автор устанавливает акциональные классы глагольных лексем и — чтобы обойти проблему непрямого доступа и ради типологической сопоставимости — рассматривает словоизменительные характеристики (т. е. то, что добавляется поверх уровня vP) максимально широко, подводя, например, показатели прошедшего времени (pst) под перфективные. Такое упрощение порождает проблемы сопоставимости, поскольку показатели pst могут не различать вид (немецкий, см. выше) или видовое ограничение автором не показано (марийский [ГКТА: 385–386], татарский [ГКТА: 312]). Широкий диапазон аспектуальных функций отдельных граммов в таких языках может быть выгоден для установления акциональных значений и классов лексем, но они не создают прочной почвы для утверждений о взаимодействии с видом (понимаемым как грамматическая оппозиция).

1.3. Глава 3: Теория акциональной композиции

Эта часть теории относится к уровню vP, т. е. к свойствам предикации за вычетом видо-временных показателей. Главным образом автор использует и развивает мерезологическую концепцию М. Крифки [Krifka 1989; 1992; 1998], согласно которой «для определенного класса глаголов структура описываемой ситуации соответствует структуре объекта, который участвует в этой ситуации» [АЛГ: 113]. Как правило, этот объект обозначается прямым дополнением (= внутренним аргументом) переходного предиката. Главная онтологическая предпосылка заключается в том, что именные предикаты, описывающие индивиды, и глагольные предикаты, описывающие события, устроены одинаково (см. также [АЛГ: 157]). В связи с этим автор делает обзор сходств и различий между именной и глагольной референцией [АЛГ: 115–123].

В §§ 3.1–3.6 обосновывается разная значимость трех свойств: кумулятивности, квантованности и инкрементальности [АЛГ: 126–136]; см. также [ГКТА: 31]. Кумулятивность означает, что входящие в экстенционал предиката сущности обладают аддитивностью. Например, любые куски хлеба будут хлебом, так же как любые «порции» действия *гулять* будут таким же действием. Квантованность, наоборот, означает неделимость объекта; объект может быть сколь угодно сложным, но то, что происходит с какой-либо из частей этого объекта, не будет верным по отношению ко всему объекту. Например, предложение *Снеговик растаял* будет верным, только если от снеговика ничего не осталось, но если верно утверждение *Голова снеговика растаяла*, из этого не следует, что растаял (целиком) снеговик. Поэтому можно, вслед за М. Крифкой, сделать обобщение, что кумулятивность обуславливает неопределенность, а квантованность — предельность. В большинстве случаев это так, однако, по мнению автора, бывают случаи, когда эти условия не соблюдаются¹². Но в общем следует объяснить, почему кумулятивность и квантованность зависят от соответствующих качеств внутреннего аргумента, как в следующих хорошо известных примерах:

¹² Автор не приводит примеров, а только немного загадочно указывает на то, что «предикат в принципе может быть неквантованным и некумулятивным, но при этом обязан быть либо предельным, либо неопределенным» [АЛГ: 131].

- (8) а. *John ate an apple in an hour || *for an hour.*
Джон съел яблоко за час || *час.
- б. *John ate apples / soup for an hour || *in an hour.*
Джон ел яблоки / суп час || *за час.

Объяснение нужно искать в инкрементальности. Это свойство относится не к единичным объектам, а описывает отношение между событием и индивидами, участвующими в нем: «Инкрементальность имеет место тогда, когда части события находятся в одно-однозначном соответствии с частями участника» [АЛГ: 131–132]. Только благодаря инкрементальности (не)кумулятивность и (не)квантованность влекут за собой (не)предельность предикатов (на уровне *vP*). Если нет инкрементального отношения, кумулятивность и квантованность не имеют никаких последствий для (не)предельной интерпретации клаузы [АЛГ: 136].

§§ 3.7–3.8 отводятся сравнению английского языка с эстонским и русским. На фоне многочисленных исследований, в которых проводилось подобное сопоставление, факты и выводы, обсуждаемые автором, ничего существенно нового не приносят. Тем не менее ценно его обобщение [АЛГ: 146], сжато повторенное в [ГКТА: 32]: «Языки распадаются на группы с точки зрения того, как в них организовано взаимодействие событийной и несобытийной референции и как неглагольные компоненты клаузы влияют на предельность». Полюсу языков типа английского, в которых мерологические качества аргументов (и/или адъюнктов) «определяют предельность событийного предиката», противопоставлены языки типа русского, в которых «предельность ограничивает интерпретацию аргумента», причем — нужно добавить — предельность (в смысле автора) вводится определенными приставками (см. 1.5).

1.4. Глава 4: Теория лексического представления

В этой главе предметом рассмотрения является элементарная основа. В теоретико-модельной семантике было принято класть вендлеровские «временные схемы» в основу классификации глагольных основ, хотя эти схемы относятся к акциональности на уровне финитной клаузы. Как справедливо отмечает автор, поэтому они существовали совершенно отдельно от семантического представления глагольной основы, а в результате мало внимания уделялось лексическому значению [АЛГ: 161]. Принадлежность глагольного предиката к тому или иному акциональному классу определялась всего лишь на основе условий истинности, устанавливаемых экстенционально по отношению к временным интервалам. Между тем возникает вопрос о курице и яйце: более элементарные смыслы глагольной лексемы обуславливают акциональные свойства предиката / клаузы, или наоборот [АЛГ: 162]?

Автор отталкивается от работы [Dowty 1979]. Модель Д. Даути не содержит переменных для событий (в отличие от неодавидсоновских моделей; см. §§ 4.3–4.5, а также ГКТА: Приложение 2), которые автор впоследствии применяет для уточнения семантики свершений и каузативов: каузативизация — «это добавление не только и не столько нового участника ситуации, сколько каузирующего подсобытия» [АЛГ: 254]; см. дальше в 1.5. К предпосылкам модели Д. Даути относится то, что (i) лексическое значение предиката мотивировано акциональной структурой, (ii) предикаты поддаются декомпозиции на основании ограниченного круга классообразующих операторов, (iii) акциональные свойства тесно связаны со свойствами аргументов [Dowty 1979: 162–164, 179]. Дальше автор дает обзор дискуссий о (не)зависимости акциональных характеристик (в частности, *states vs. activities*) от (не)контролируемости (см. также ГКТА, § 2.3.1) и о том, обусловлены ли актантные свойства глагола его акциональными характеристиками [АЛГ: 166–167]. Обсуждается оператор *ВЕСОМЕ* и структура каузации, в частности, разница между каузацией и каузальной зависимостью [АЛГ: 168–176], затем обсуждается интерфейс, показывающий связь между лексической структурой и синтаксическим представлением [АЛГ: 176–179].

В § 4.3 сопоставляются новые теории предикатного значения: подход Б. Левин и М. Раппапорт Ховав [Levin, Rappaport Hovav 1995], система «Лексикограф» (Е. В. Пазель и др.), лексический синтаксис (см. [Hale, Keyser 1993] и сл.) и «Синтаксис первой фазы» (см. [Ramchand 2003; 2008]). Охват семантики глагольных предикатов у Левин и Раппапорт Ховав основывается на взаимодействии общих структурных свойств и более идиосинкратических черт. Последние описываются с помощью лексических констант, первым приписываются так называемые событийные шаблоны, которые объединяют предикаты в классы и в этом отношении напоминают таксономические классы Е. В. Падучевой (см. [Падучева 2004] и др.)¹³. В системе «Лексикограф» значения задаются в виде структурированных толкований. Несмотря на это различие в формате представления компонентов значения, между этой системой и системой Левин и Раппапорт Ховав наблюдается ряд параллелей: (а) принцип насыщенного словаря («семантическая структура глагола полностью формируется в словаре и в готовом виде отображается в синтаксисе» [АЛГ: 187]); (б) принцип декомпозиции («значение глагола представляет собой комбинацию элементарных компонентов» [АЛГ: 187]), причем противопоставляются структурные и неструктурные (идиосинкратические) компоненты смысла. Можно сказать, что событийный шаблон соответствует формату толкования (в комбинации с метакомпонентами толкования), а лексические константы — квалификаторам. Кроме того, (в) структура значения имеет акциональную природу [АЛГ: 187–189].

Точку зрения, прямо противоположную принципу (а), занимают представители лексического синтаксиса и «Синтаксиса первой фазы» (см. выше). Их предпосылки таковы: (а) декомпозиция предиката осуществляется в синтаксисе и (б) событийные структуры должны получать синтаксическую репрезентацию. В дополнение к этому (в) события задаются как отдельные аргументы (сущности), в чем отражается применение неодавидсоновской семантики. Она делает возможным выделение большего количества акциональных классов: события разбиваются на подсобытия с отдельными вершинами, а актанты совпадающих вершин подлежат коиндексации¹⁴. В отличие от других вышеупомянутых декомпозиционных подходов, в модели Рэмченд допускается комбинация подсобытий разного типа. Однако такая возможность вызывает закономерный вопрос о том, существуют ли независимые доводы, показывающие, «сколько подсобытийных компонентов в **действительно-сти** содержится в событийной структуре того или иного класса?» [АЛГ: 198]. Не достаточно ли пользоваться подходами с меньшим количеством основных (или примитивных) акциональных сущностей?

Чтобы ответить на этот вопрос, автор в § 4.4 подробно рассматривает структуру свершений (т. е. соответствия вендлеровских «accomplishments»), ср., например, *X разбил вазу / сварил суп / высушил белье*. Вопрос в том, содержат ли свершения два или три компонента, а именно следующие [АЛГ: 223, Табл. 7]: (i) деятельность агенса, (ii) процесс в пациенте, (iii) результирующее состояние. Анализы в два компонента либо не учитывают возможную релевантность компонента (ii), либо объединяют его с компонентом (iii). После весьма обстоятельного обсуждения различных аргументов автор приходит к выводу, что предпочтителен анализ в три компонента [АЛГ: 223]. Основная его аргументация напрямую касается природы каузации, анализ подтверждает разнородность каузативов¹⁵. Автор тщательно

¹³ Этот подход оставляет открытым объяснение того факта, что необязательный второй актант глаголов деятельности типа *писать*, *читать*, *пахать* становится обязательным, если эти глаголы переводятся в СВ [АЛГ: 185–186].

¹⁴ Интересно, что модель Рэмченд позволяет предсказывать аргументные позиции так же, как это делается, например, в рамках референциально-ролевой грамматики [Van Valin 2005]. А узлы событийной структуры, предложенной в [Ramchand 2002] и т. д. (см. [АЛГ: 190–192]), очень напоминают компоненты «каузальной цепочки», например, в [Croft 1998; 2012].

¹⁵ См. также в § 5.3: «свойства каузатива существенно зависят от того, на какую семантико-синтаксическую конфигурацию наращивается каузирующее событие: каузативы на основе некаузативных

анализирует ряд параметров, которые на практике вызывают различия и сходства разных подходов в формальном описании предикатов свершений [АЛГ: 207–211]. Аргументы убедительны в разной степени, но объем данного обзора не позволяет разобраться с каждым из них должным образом. Я ограничусь обсуждением только того фактора, который автор сам признает наиболее важным, а именно: подтвердить правомерность анализа в три компонента (подсобытия) можно, если найдется способ «увидеть» подсобытия отдельно друг от друга [АЛГ: 213].

С этой целью предлагается ряд тестов, чувствительных к сфере действия и способных охватить разный состав компонентов (один, два или три). Рассматриваются тесты с отрицанием, с помощью *почти* и с помощью *опять* (это наречие включает пресуппозицию одно-типного события, произошедшего раньше). В целом аргументация убедительна, хотя есть и «мутные» моменты, когда тест с *опять* применяется к глаголу *открыть* [АЛГ: 219–220]: не очень понятно, как автор диагностирует разные сферы действия; кроме того, в отдельных описываемых сценариях глагол *открыть*, по-видимому, соответствует двум разным лексемам, из которых только одна образует свершение, а другая (ср. *Колумб открыл Америку*) — достижение (вендлеровский «achievement»), т. е. она не включает процессного компонента. Убедительны главным образом два взаимосвязанных аргумента:

1. Свершения между собой различаются параметрическими свойствами объекта, подвергающегося предельному процессу: например, *Х открыл дверь* верно даже тогда, когда ранее закрытая дверь стала открытой всего лишь на узкую щель (параметр связан с минимальным стандартом сравнения), а *Х закрыл дверь* или *Вода наполнила бассейн* верны только с того момента, когда дверь и щели не осталось или вместилище заполнено до отказа (параметр нуждается в максимальном стандарте сравнения)¹⁶.

2. Эти два стандарта сравнения объясняют два разных прочтения некульминирующих свершений: частичный успех (например, *Володя пять минут **по**заполнял анкету* [*и бросил это занятие*]) и неудавшуюся попытку, т. е. конативное прочтение (например, *Володя пять минут **пора**збивал вазу из небьющегося стекла* [*и бросил это занятие*]). Чтобы истолковать оба¹⁷, нужны три компонента, а не два [АЛГ: 222–223].

Здесь уместны два замечания. Во-первых, некульминирующие свершения — это эквивалент предельных процессов, а оба упомянутых прочтения давно прямо или косвенно обсуждались в аспектологии. Например, так называемый тест Маслова на предельность выявляет те же свойства (например, *Вася **варил** суп, но так его и не сварил*), а конативное прочтение или прочтение частичного успеха легко «вычленишь» как прагматический эффект из взаимодействия внутреннего предела глагольной лексемы (включая ее аргументную структуру) с более широким контекстом (или конституацией). Поэтому и не надо ограничиваться одними глаголами СВ с «дистрибутивно-делимитативной» приставкой *по-*, т. е. обсуждаемые автором свойства вытекают не из достигнутого, а всего лишь из имплицуемого (или внутреннего) предела, который в равной мере присущ соответствующим глаголам НСВ; ср. *заполнял анкету, разбивал вазу*.

Во-вторых, в семантике предикатов свершения автор никогда не отделяет подсобытие, охватывающее результирующее состояние, от момента, в который наступает переход в новое состояние. Это примечательно особенно на фоне общего стремления к возможно большому разложению свершений на подсобытия. «Кульминация» и последующее результирующее

событийных структур создают конструкции, радикально отличающиеся от каузативов, в которых задействованы переходные (и неэргативные (...)) структуры» [АЛГ: 271–272].

¹⁶ Видимо, это утверждение можно распространить на все предикаты полного охвата (о которых см. [Падучева, Розина 1993]).

¹⁷ По-видимому, то, какое прочтение оказывается адекватным, обусловлено неакциональными компонентами в семантике глагола, а вопрос о том, есть ли такие случаи, когда тот же глагол вообще допускает то одно, то другое прочтение (в разных условиях), остается открытым. Автор этот вопрос не затрагивает.

состояние осознанно не разводится в разные подсобытия, напротив — это разграничение автор даже объявляет нерелевантным для декомпозиции [АЛГ: 215–216]. Читатель может догадаться, что причина этого отказа коренится в том, что теорию акциональности автор строит на условиях истинности, проверяемых на экстенционале либо субинтервалов, либо (под)событий, а в свершениях смена ситуации и результирующее состояние неразрывно связаны отношением логического следования (англ. «*entailment*»), а на этом основании выделение смены ситуации как особого акционального типа (или подсобытия) может оказаться излишним. Вместе с тем, пренебрежение к выделению события, сменяющего состояние, и упор на результирующее состояние, по всей видимости, обусловлены значением, которое автор приписывает глагольным приставкам, подчеркивающим предел; автор настаивает на том, что именно они вводят результирующее подсобытие (см. также другие работы автора, например [Pazelskaya, Tatevosov 2006: 263]). Тем самым мы подошли к содержанию главы 5 АЛГ.

1.5. Глава 5: Деривационная теория

§ 5.1 посвящен проблеме минимальности [АЛГ: 244–250]: атомарными единицами, влияющими на акциональность, нужно считать не обязательно цельные глагольные основы (включая деривационные аффиксы), а морфемы. Необходимо разбивать сложные основы на корень («простую основу») и те деривационные аффиксы, которые отвечают за акциональную интерпретацию, но не те, которые меняют лексический концепт (например, *о-писать*, *под-писать* по сравнению с *писать*). Необходимость такой процедуры подробно аргументируется; я к ней вернусь в разделе 2.4. В соответствии с логикой морфемцентричного подхода в русском языке в поле зрения попадают только два типа приставок: во-первых, приставки, которые, не затрагивая лексическое значение исходной основы, участвуют в создании перфективных коррелятов к простым основам НСВ (например, *на-писать*, *с-варить*, *по-строить*, *под-готовить*)¹⁸. Их можно отнести к внутренним префиксам (см. ниже). Во-вторых, внешние приставки, поскольку они вносят лишь количественную модификацию (например, *на-рубить (дров)*, *пере-выполнить (план)*), включая репетитивные или дистрибутивные значения (например, *пере-читать*, *по-на́дать*). Легко понять, что (i) случаи первого типа обычно описываются в рамках линейного вида, тогда как вторые входят в ведение количественного вида, и что (ii) одни и те же приставки могут относиться к разным группам в зависимости от типа взаимодействия со значением простых основ.

В оставшихся частях главы рассматриваются три типа глагольных деривационных показателей, воздействующих на экстенционал предиката¹⁹: приставки, которые изменяют (а) состав подсобытий, описываемых событийным предикатом; (б) количественные характеристики событийного предиката; (в) фазовые характеристики событийного предиката. Явления (б) и (в) обсуждаются в § 5.5, а явления, связанные с (а), занимают намного больше места (§ 5.4), в связи с ними выдвигается ряд спорных утверждений, и к тому же явления, относящиеся к (а), намного более прочих релевантны для второй книги — ГКТА. Поэтому здесь мы также уделим им особое внимание.

Под (а) подпадают показатели, связанные с каузативизацией [АЛГ: § 5.3, 251–257] или с выделением (по мнению автора, добавлением) результирующего подсобытия [АЛГ: § 5.4, 272–295]; см. 1.4. В этой связи нужно отметить, что к внутренним префиксам автор относит не только приставки, меняющие лексический концепт исходной основы («лексические»), но и те, которые лишь накладываются на (или дублируют) уже существующий

¹⁸ В рамках аспектологических исследований этот тип приставок подводился под «естественные», и они также недавно стали снова предметом дискуссий вокруг так называемых «чистовидовых» приставок; см. [Janda et al. 2013; Arkadiev 2014; Аркадьев 2015; Зализняк и др. 2015; Вимер 2017].

¹⁹ То есть, за бортом остаются те аффиксы, которые меняют синтаксический класс.

семантический компонент исходной основы (см. выше). Наверное, утверждение, что «[л]ексическим префиксам в общем случае не свойственно соединяться с основой композиционно» [АЛГ: 276], нужно считать слишком сильным. К примеру, у пространственных приставок, как и у многих других, семантическая мотивация просматривается довольно отчетливо (ср., например, пространственные *в-бежать*, *при-лечь* и близкие к пространственным *ото-брать*, *со-единить*). Как бы то ни было, в отличие от внутренних, внешние префиксы всегда присоединяются к основам по строго композиционному принципу.

Главная цель § 5.4 — доказать правильность (или уместность) следующих утверждений [АЛГ: 272]: (а) видовая семантика не является семантическим компонентом таких основ, как *писа-* и *написа-*; (б) событийная структура морфологически простых («имперфективных») основ типа *писа-* отличается от событийной структуры приставочных («перфективных») основ типа *написа-* отсутствием vs. наличием результирующего подсобытия²⁰. Как легко понять, для того, чтобы обосновать (а), необходимо обосновать (б). Отметим, что утверждение (а) означает, что сами основы русских глаголов — до появления словоизменяемых (т. е. финитных) показателей — лишены видовых характеристик, а утверждение (б) относится лишь к тем основам, которые связаны с предельностью, т. е. далеко не ко всем глагольным основам. Автор находит только один аргумент в пользу утверждения (а), но его он считает решающим. Этот аргумент опирается на акциональное поведение отглагольных существительных, образованных от основ, способных вступать в предельные видовые пары (типа *писа-* / *написа-*). Нужно учесть «проблему непрямого доступа», связанную с тем, что «видовые характеристики могут возникнуть на разных этапах синтаксической деривации, и мы не имеем прямых свидетельств того, когда в точности это происходит» [АЛГ: 277] (см. далее в 2).

Противопоставляя деривацию типа (9) деривации типа (10), автор высказывается в пользу модели (10), в которой «аспектуальные операторы присоединяются за пределами vP» [АЛГ: 281]:

- (9) а. [... [TP ... [VP [v писа-IPFV]...]]]
 б. [... [TP ... [VP [v написа-PFV]...]]]
- (10) а. [... [TP ... [FP IPFV ... [VP [v писа-]...]]]]
 б. [... [TP ... [FP PFV ... [VP [v написа-]...]]]]

Действительно, русские отглагольные существительные, образованные от основ, совпадающих с СВ, обнаруживают меньше ограничений на сочетаемость с фазовыми глаголами (11) и допускают прогрессивное прочтение, даже с отрицанием результата (12) — что свойственно обычно только основам НСВ:

- (11) ⟨...⟩ *Пушкин отмечал, что начал **написание** [= писание] поэмы еще в Лицее* (www.russianculture.ru; [АЛГ: 284]).
- (12) ***Написание** [= писание] письма продолжалось все утро, но закончить не удалось, и Володя сел дописывать после обеда* [АЛГ: 283].

На основании этих фактов делается вывод в пользу утверждения (а), т. е. «основы *писа-* и *написа-* как таковые — это основы **никакого** вида» [АЛГ: 285]. С этими фактами нельзя спорить²¹, но они, так же как и общий вывод, порождают вопросы.

²⁰ В [ГКТА: 11] это выражается так: «единственный вклад в интерпретацию таких деривационных морфем, как “чистовидовые” глагольные префиксы в русском языке, — это внедрение в семантическое представление результирующего состояния с недоспецифицированными дескриптивными свойствами».

²¹ Автор оперирует только одной парой *писа-* / *написа-*, но см. [Пазельская 2003; 2006] для более широкой выборки глаголов (видовых пар).

Во-первых, акциональное поведение отглагольных существительных оказывается удобным материалом потому, что при их синтаксической деривации «задействована не вся синтаксическая структура», а только часть, располагающаяся ниже финитных категорий, т. е. νP [АЛГ: 285]²². По сути дела, исходя из теоретического постулата, что видовая характеристика может присоединиться только выше νP (см. (10)), автор изначально предполагает то, что следовало бы сначала доказать. Этот постулат вытекает из генеративистской предпосылки, что акциональная композиция обязательно объясняется монотонным нарастанием акциональных характеристик в рамках синтаксического дерева (см. рис. и комментарий к нему), а также из точки зрения, что вид всегда связан с реализацией во времени (см. 1.2). На самом деле, не доказано ни то, что вид нуждается в показателях финитности, ни то, что в любой видовой системе он должен быть прикреплен к грамматическому времени. Автор сам признает русский вид представителем и деривационной, и словоклассифицирующей категории; но почему-то он не делает из этого выводов для типологии видовых систем.

Вместе с тем, доказательная сила изложенных автором фактов уменьшается, если учесть, что отглагольные существительные стоят немного особняком в ряду других нефинитных форм (или дериватов) русского глагола, акциональное поведение которых по большому счету укладывается в привычную схему функционального распределения НСВ и СВ. Ведь инфинитивы и причастия вполне вписываются в это распределение, и нет причин полагать (если принять используемую автором генеративную модель), что в ходе синтаксической деривации видовые характеристики присваиваются им на другом этапе, нежели отглагольным существительным.

Во-вторых, автор строит свою аргументацию только на основе предельных видовых пар. Действительно, может оказаться, что акциональное поведение отглагольных существительных объясняется принадлежностью не к СВ или НСВ, а к акциональным классам. Как раз к такому выводу пришли [Пазельская 2003; 2006; Kukla 2013: 196–202], где тоже было показано, что отглагольные существительные от основ, совпадающих с НСВ и СВ, обнаруживают меньше ограничений по акциональным функциям. Это предположение (полностью совместимое с выводами в АЛГ) допускает и другое объяснение: вполне возможно, что отглагольные существительные в диахронии поздно стали вовлекаться в систему функций, по которым глаголы СВ и НСВ распределяются; поэтому они еще не интегрированы полностью в эту систему, а в их употреблении отражаются черты диахронически более ранней системы, в которой акциональность была важнее грамматической оппозиции вида. Такое объяснение хорошо переключается с еще одним доводом, извлекаемым из сопоставления славянских языков.

А именно (и это третий пункт, проблематичный для выводов АЛГ), факты русского языка в меньшей мере подтверждаются в украинском и еще меньше в польском языке. Один из центральных выводов работы [Пчелинцева 2016] заключается в том, что в польском языке отглагольные существительные, образуемые с помощью суффикса *-nie/-cie*, в общем и целом употребляются «в соответствии с видом мотивирующего глагола», т. е. парные отглагольные существительные «находятся в функциональных отношениях дополнительной дистрибуции», соответствующей финитным формам [Там же: 303]²³. Вместе с тем, они образуются от намного большего количества основ, чем в украинском, и тем более в русском языке. Кроме того, на уровне текста их частотность намного выше, чем в сопоставляемых восточнославянских языках. Может создаться впечатление, что между практически дополнительным распределением основ СВ и НСВ по основным акциональным функциям, с одной стороны, и частотностью на уровне словарного запаса глагольных основ, а также частотностью на уровне текста, с другой, имеется связь. Во всяком случае, ситуацию

²² Аргументации того, что именно номинализации должен быть приписан такой вес, посвящается длинная сноска в [АЛГ: 279].

²³ Под «мотивацией» Е. Пчелинцева подразумевает не семантическое свойство (т. е. акциональный класс), а вид основы, от которой образовано существительное.

в польском языке можно расценить как свидетельство более продвинутой интеграции отглагольных существительных в видовую систему, чем в русском языке.

Имея в виду эти возражения, вернемся к АЛГ: чем отличаются основы типа *nisca-* и *napisca-*, если не видом? Автор указывает на утверждение (б): основы типа *napisca-* обладают дополнительным компонентом — результирующим подсобытием. Однако такое предположение вступает в противоречие с автором же установленным фактом, что эти основы могут находиться в сфере действия фазовых (причем ингрессивных) глаголов (см. (11)). Этот факт здесь умалчивается, так же как другой известный автору факт: отглагольные существительные, образованные от бесприставочных основ (типа *nisca-*) и от приставочных основ (типа *napisca-*), не только в равной мере могут употребляться с квантованным или кумулятивным внутренним аргументом (см., например, [Пазельская, Татевосов 2008]), но также в равной мере не допускают стативной интерпретации, т. е. как те, так и другие не могут описывать результирующее состояние ('быть написанным'). Об этом факте упоминается в [Pazelskaya, Tatevosov 2006: 271], но он вряд ли совместим с утверждением, что приставки вводят результирующее подсобытие и что это происходит на уровне ниже vP.

В пользу дополнительного, результирующего подсобытия автор приводит еще другой аргумент: если от бесприставочной основы НСВ вообще образуется *n/m*-причастие, то у него нет стативного значения, т. е. оно не имеет фокуса на результирующем компоненте, а имеет скорее экспериенциальную функцию (ср. *Книга читана давно* и т. п.). Автор делает вывод, что «в семантическом представлении основ типа *nisca-* результирующего состояния просто нет» [АЛГ: 292]. И здесь возможен альтернативный вывод: результирующее состояние в причастных конструкциях от основ НСВ с предельным потенциалом не возникает, потому что происходит обычная отмена имплицитур, в результате которой подавляется имплицитный предел. То есть, основы типа *nisca-* способны описывать ситуации, в экстенционал которых входят либо кумулятивные, либо квантованные объекты. Это можно понимать как своего рода «лабильность по предельности» этих основ, которая разрешается на уровне предложения с помощью механизмов, хорошо описанных автором. Кроме того, то, что *n/m*-причастия основ НСВ, как правило, не несут результирующей семантики, опять же легко объясняется продвинутой стадией установления видовой оппозиции СВ — НСВ. Во многих современных славянских языках *n/m*-причастия от основ НСВ обозначают результирующие состояния так же, как их эквиваленты от основ СВ, и эти факты хорошо объяснимы как диахронические остаточные явления, тем более, если (как в русском языке) *n/m*-причастия от основ НСВ оказываются на периферии грамматической системы и встречаются относительно редко. В тех славянских языках, в которых эти причастия употребляются шире (в первую очередь в литературном польском), они действительно не несут результирующей семантики, но именно потому, что они полностью интегрированы в видо-временную и залоговую систему (см. систематический анализ на славянском фоне в [Wiemer 2017]).

В оставшейся части главы, в § 5.5 [АЛГ: 295–301], обсуждается глагольная множественность и фазовость. На примере ненецкого языка показывается, что противопоставление регулярности и прерывистости интервалов позволяет охватить разницу между фреквентативом и итеративом. Обсуждается правомерность анализа глагольной множественности по аналогии с именной множественностью, а в области фазовых значений автор сосредоточивается на ингрессивных («инхоативных») значениях, отмечая, что между ними и эгрессивными и континуативными значениями наблюдается асимметрия, которая обусловлена функционально.

2. «Глагольные классы и типология акциональности» (ГКТА)

Главная цель ГКТА заключается в том, чтобы внести ясность в «вопрос о межъязыковом варьировании» в области акциональности [ГКТА: 11] и в вопрос о том, «как устроен возможный естественный язык с точки зрения структуры и семантики акциональных классов»

[ГКТА: 14]. По словам автора, построения на основе вендлеровских или им подобных классов атипологичны [ГКТА: 13], а только что названные вопросы остались неразрешенными даже после появления разнообразных двухкомпонентных теорий. Проблема так или иначе упирается в то, что принимается определенный состав акциональных классов и устанавливается до некоторой степени закономерное взаимодействие представителей этих классов с видо-временными показателями в данном языке, но поведение этих последних оказывается не полностью предсказуемым, как в пределах одного языка, так и при межъязыковом сопоставлении. Так, например, стативные глаголы (типа 'любить', 'радоваться', 'верить', 'понимать') часто, но не всегда указывают на начало состояния, когда они сочетаются с перфективным, т. е. лимитативным, показателем, а предельные глаголы (типа 'таять', 'умирать', 'открывать', 'чистить') часто, но не всегда проявляют вариативность между процессным и кульминационным значением, которая коррелирует с применением соответствующих видовых показателей. Если исходить из того, что видо-временные показатели не должны быть избирательны по отношению к глаголам одинакового акционального класса (а классы определяются на основании того, какие части описываемой ситуации входят в экстенционал соответствующих предикатов), и если исключить другие факторы, влияющие на акциональную композицию, то различия в акциональном поведении глаголов, относящихся к одному и тому же классу, скорее всего, коренятся в их лексической структуре. Однако, как констатирует автор, на данный момент нет теории, которая «в рамках эмпирически адекватных допущений» [ГКТА: 29] умела бы объяснять такую вариативность внутри глобальных акциональных классов. Поэтому автор и отказывается от анализа лексической структуры глагольных лексем. Подобный «агностицизм» он объявляет и в отношении того, как видо-временные показатели воздействуют на акциональные характеристики глагола [ГКТА: 18–35].

Очерченные только что трудности обусловлены «проблемой непрямого доступа» к акциональной семантике глагольных лексем. Автор предлагает обойти эту проблему с помощью процедуры, позволяющей разбить глагольные предикаты на классы «независимо от априорных гипотез о структуре глагольного значения²⁴, акциональной композиции и семантике грамматических показателей в конкретном языке» [ГКТА: 14]²⁵. То есть, задача сводится не к созданию какой-либо новой теории акциональности, а к разработке эмпирического метода установления акциональных классов, который «достаточно эксплицитен и прост в использовании» [ГКТА: 34]. Заодно состав акциональных классов должен претендовать на межъязыковую сопоставимость (местами автор даже говорит об универсальности). В него нельзя включать какие-нибудь частноязыковые значения, но он в принципе должен быть открытым для новых классов [ГКТА: 88]. И лишь на результатах применения такого метода, не опираясь на заранее заданные и якобы универсальные схемы (подобно вендлеровской классификации), можно увидеть и сформулировать типологически более интересные закономерности, а также специфику акциональных систем отдельных языков.

Таким образом, ГКТА практически сосредоточивается на нижней части структуры финитной клаузы (см. рис.), которая изучалась в АЛГ; но акциональность уточняется только применительно к глагольным основам, как бы «в обход» остальных компонентов клаузы. Поэтому разрабатываемые здесь акциональные классы можно понимать как дополнительные эквиваленты МКТ в области вида и времени, определявшихся в духе Э. Даля и Дж. Байби, и нужно соблюдать строгое разграничение акциональных значений, заданных в лексиконе, и значений видо-временных показателей [ГКТА: 121, сн. 13]²⁶. Искомые классы

²⁴ Эта структура включает ролевые и референциальные характеристики актантов, а также такие черты, как квантованность и кумулятивность [ГКТА: 149–152].

²⁵ См. также [ГКТА: 34, 101] и [ГКТА: 15]: «разбиение на акциональные классы должно опираться именно на наблюдаемое поведение глагольных форм, а не на предполагаемые свойства ненаблюдаемых глагольных лексем».

²⁶ Автор также последовательно отделяет свойства внеязыковой ситуации от значений конкретной языковой единицы, описывающей такую ситуацию (см., например, [ГКТА: 181]).

обладают свойствами второго порядка, в том смысле что они «не являются компонентом семантического представления глагольного предиката» [ГКТА: 96, а также 126, сн. 14]. В этом смысле объект описания ГКТА помещается как бы между лексической типологией глагольных предикатов (поскольку ГКТА отвлекается от лексической семантики) и анализом видо-временных показателей (их вклад в акциональную интерпретацию предложения учитывается, но автор пользуется ограниченным набором наиболее известных в типологии видо-временных показателей; см. ниже). Таковы основные вехи ГКТА, по которым должны оцениваться все ее достоинства, а также недочеты.

Одно из достоинств ГКТА заключается в том, что, противопоставляя языки со словоизменительным видом и языки, в которых вид имеет деривационный и словоклассифицирующий характер, автор разрабатывает возможный путь сопоставления этих систем на основе одних и тех же акциональных классов. Их сопоставимость обеспечивается, только если в зависимости от морфологического типа видовой системы объектами классификации признаются подходящие единицы: в словоклассифицирующей системе «разные аспектуальные значения разнесены по разным глагольным лексемам» [ГКТА: 96], тогда как в словоизменительной системе эти значения каждый раз приписываются одной и той же лексеме (см. также [ГКТА: 15]). Разделение глав отражает это глобальное разграничение: в главе 2 вводятся используемые для классификации акциональные значения, глава 3 посвящается акциональности в языках со словоизменительным видом, на материале которых и применяется весь метод выделения акциональных классов. На основании этих разработок глава 4 излагает анализ акциональных систем, а в главе 5 тот же метод применяется к русскому языку как к представительному языку с деривационным видом. Короткая глава 6 жато подводит итоги.

Книгу замыкает раздел «Принципы подачи материала», включающий сокращения для глосс, список литературы и предметный указатель. Ему предшествуют четыре приложения, которые содержат обзор по видо-временным системам трех систематически изучавшихся языков (приложение 1), сводную информацию по семантике событий (приложение 2), краткое изложение формальной теории акциональности (приложение 3) и очерк событийной структуры русского глагола (приложение 4). Приложения 2–4 по большому счету резюмируют теоретические основы глав 3–5 из АЛГ, но они содержат и обстоятельное дополнительное изложение ряда теоретически значимых вопросов. По сути дела, эти приложения можно читать независимо от обеих монографий как фундаментальные «справки» по истории вопросов формально-семантического описания «слоев» акциональности в рамках финитной предикации, которым посвящена АЛГ. При общей доступности стиля изложения, они требуют подкованности в символическом представлении семантики (и ее «интерфейса» с синтаксисом) в генеративном духе.

2.1. Глава 2: Акциональная классификация и акциональные значения

Задается схема исследования и определяется ряд основополагающих понятий (§§ 2.1–2.2). **Акциональность** (для каждого отдельного языка) сводится к разбиению множества объектов классификации на непересекающиеся акциональные классы, которое задается множеством универсальных акциональных признаков, или акциональных критериев (= АК-множество) [ГКТА: 35]. **Объектом классификации** оказываются либо глагольные лексемы (в языках со словоизменительным видом), либо группы лексем (в языках с деривационным видом), а **идентификация акциональных классов** требует эксплицитной процедуры отбора критериев (§ 2.3). Само собой разумеется, что классы не должны выделяться на основании морфологических критериев (подобно традиционным способам действия), но АК-множество также нельзя рассматривать как набор дифференциальных признаков. Нужны не только признаки необходимые и достаточные, но и их избыточные сочетания: «если ради избавления от избыточности при описании частно-языковой системы АК-множество

делается минимальным, оно с неизбежностью привязывается к внутрисистемным свойствам описываемого языка и делается бесполезным для типологических целей» [ГКТА: 38]. В результате мы получаем эквивалент межъязыковых категориальных типов (МКТ), задействованных уже в АЛГ: **межъязыковой акциональный тип** — это типологически стабильный кластер свойств, задаваемый критериями из АК-множества [ГКТА: 39]. Однако целью описания являются не сами эти типы, а классы объектов, с которыми они взаимодействуют. Вместо перекрестной классификации способов грамматического выражения (видо-временных показателей) со стереотипными предложениями и ситуациями (как в анкете Э. Даля [Dahl 1985]), проводится перекрестная классификация глагольных лексем или групп лексем с критериями из АК-множества [ГКТА: 40].

В дополнение к этому каркасу классификации обособывается состав акциональных значений (§ 2.3). Напомним, что автор везде следует принципам теоретико-модельной семантики, определяющей компоненты значения через условия истинности в применении к экстенционалам на основании либо интервальной, либо неодавидсоновской событийной логики. Общим свойством состояний и процессов является кумулятивность (см. выше). Отказавшись от предположения о нечеткой границе между состояниями и процессами, автор для ограничения последних от первых отвергает как критерий притока энергии, так и (не)агентивность. Главный аргумент против этого последнего признака предоставляют позиционные глаголы: агентивность допускается, но не требуется [ГКТА: 72–74]. Единственным критерием, надежно отделяющим состояния от процессов, автор признает истинность в точке: истинность состояний может оцениваться, даже если подразделимость ведет к одному бесконечно малому интервалу, тогда как для оценки истинности процессов нужны по меньшей мере два интервала. На этом основании глаголы эмиссии света и звука (например, *светиться*, *гудеть*) признаются состояниями [ГКТА: 51–52], но не совсем понятно, почему тогда к процессам причисляются такие предикаты, как ‘дружить’ [ГКТА: § 4.3]. Затем автор обсуждает различные подразделения состояний, предлагавшиеся разными исследователями, но все они оказываются малорелевантными для акциональных характеристик предикатов в естественных языках²⁷.

Далее различаются вхождение в состояние и вхождение в процесс [ГКТА: 74–79]. Их объединяет свойство квантованности (влекущее за собой предельность), но различает то, что начинается после кульминации — состояние или процесс.

Мультипликативные процессы выделяются как особый акциональный тип, так как есть глагольные лексемы, значение которых соответствует определению процессов и которые обладают свойством подразделимости вплоть до уровня атомарных частей, но, кроме этого, они сами (или их морфологические дериваты; см. ниже о семельфактивах) могут обозначать эти атомарные части (ср. *махать* vs. *бегать*). В отличие от дистрибутивов, мультипликативы обозначают множество атомарных частей с одинаковым составом участников, а от итеративов мультипликативы отличимы в условиях нулевого контекста: интерпретация, предполагающая множественность ситуаций, возникает в составе минимальной клаузы при отсутствии обстоятельств (длительности, кратности и т. п.) и/или экстралингвистической информации, способствующей итеративному прочтению (например, *покашлял* vs. *поиграл*) [ГКТА: 79–87]²⁸.

²⁷ Ср. индивидуальное vs. стадийное состояние [Carlson 1977], постоянные — устойчивые — временные состояния [Князев 2007], Д(эвидсоновские) vs. К(имовские) состояния [Maienborn 2004]. Можно сомневаться в том, что подразделения состояний на временные и постоянные / устойчивые, локализованные и нелокализованные и т. д. имеют какую-либо релевантность для понимания универсальных свойств акциональности как лексической характеристики. В этих различиях «знания о мире играют значительно большую роль, чем собственно семантика языкового выражения» [ГКТА: 66–68]. Однако не исключено, что в будущем придется учесть различие Д- и К-состояний.

²⁸ Непонятно, почему глаголу *целовать* приписывается мультипликативное значение (кроме процессного). Из каких повторяющихся квантов это действие складывается (в нулевом контексте)? Примеры, приводимые в [ГКТА: 335–336], для иллюстрации не подходят, а их анализ, скорее всего, неверен.

Больше всего комментариев требует решение автора не выделять особый класс пунктивных глаголов [ГКТА: 90–95, 181–182]. Ссылается он на два типа обстоятельств: (а) априорное определение вызывает труднопреодолимые осложнения; (б) эмпирические аргументы приводят к тому, что пунктивность оказывается тривиальным значением, полностью предсказуемым, исходя из уже известных значений. Разберемся с ними по очереди. Что касается (а), то в рамках теоретико-модельной семантики почва для отграничения нулевых интервалов от сверхкратких, а совокупно этих типов интервалов от более длительных (характерных для типичных свершений), оказывается зыбкой. От учета когнитивных величин, которые могут быть полезными при разграничении акциональных типов лексем (см. ниже), автор отказывается. Вместо этого он прибегает к приемам замедленной съемки и «нажатия кнопки»²⁹ (которые изменяют масштаб временной шкалы, сжимая или растягивая субинтервальные свойства событий). Эти искусственные приемы позволяют прийти к выводу, что «длительность / мгновенность — это не компонент значения предиката, а экстралингвистическая информация, элемент знаний о мире» [ГКТА: 93]. Парадокс в том, что автор не отрицает, что достижения (achievements) образуют класс, если учесть, что разница между нулевым и сверхкратким интервалом в естественных условиях нерелевантна и что релевантным оказывается «раунд наблюдения»³⁰. Но потом он делает вывод, что такие теоретические определения с неизбежностью делают пунктивность концептуально более сложной, а это «представляется крайне теоретически неприемлемым» [ГКТА: 94]. Спрашивается, почему? Видимо, сложность возникает в рамках теоретико-модельной семантики, но не при учете когнитивных величин, таких как «окно наблюдения» и т. п. (см. сн. 30).

Что касается (б), то автор соглашается с [Durst-Andersen 1994: 105; Filip 1999: 111] в том, что пунктивность обнаруживается, когда глагол ни в одной из своих форм не способен обозначать ситуацию, которая предшествовала бы изменению состояния; ср. *найти / находить*, *достичь / достигать*, *потерять / терять* и т. п. (ср. также англ. *find*, *lose*). Однако определение пунктивов (или пунктивности) требует ссылок на альтернативные формы изучаемой глагольной лексемы. Такая необходимость сближает пунктивность с мультипликативностью: «В случае мультипликативных глаголов мы должны обнаружить хотя бы одну форму, которая обозначает атомарные ситуации (= семельфактивы — *Б. В.*), а в случае с пунктивностью — удостовериться, что ни одна не может описывать промежуточную фазу ситуации» [ГКТА: 95]. Именно из-за необходимости подобных ссылок не очень понятно, почему мультипликативность выделяется как особый акциональный класс, а выделения особого класса пунктивных глаголов как будто бы нужно избегать. Если пунктивность — «понятие слишком релятивистское» [ГКТА: 93], то мультипликативы (на фоне процессов и итеративов) тоже.

В итоге приходится констатировать, что в аргументации автора против пунктивов кроется определенная непоследовательность, если оценить ее на фоне всей создаваемой им системы акциональных классов. Вместе с тем, формально-модельная семантика заставляет автора пользоваться искусственными приемами увеличения или уменьшения субинтервальных свойств и признать эти приемы более существенными, чем когнитивные величины. Если угодно, можно сказать, что такова цена в целом стройной и убедительной системы.

Но система эта обходится и еще одной ценой: хотя, помимо отсутствия отдельного пунктивного класса, система позволяет выявлять пунктивные глагольные лексемы (им соответствует запись <ES, —>; см. 2.2), она вынуждает принимать за данное, что любое событие, предельное или непредельное, влечет за собой смену состояния (или обозначает начало процесса), причем не важно, обозначается ли это состояние (или процесс) той же лексемой (или ее дериватом). Такой постулат проявляется в разных участках системы. Сначала рассмотрим вопрос, обуславливает ли любое событие смену состояния. Можно указать

²⁹ В сущности, это прием, противоположный «замедленной съемке» (см. [АЛГ: 93]).

³⁰ Об обосновании понятия «психологического настоящего», или «окна восприятия», см. [Lehmann 1992; 1994].

на семельфактивную интерпретацию (или семельфактивы). Семельфактивное прочтение мультипликативных глаголов приписывается их перфективным формам, но так, что эти формы получают характеристику вхождение в состояние [ГКТА: 111]. Но какое же состояние наступает после семельфактивного действия (например, *махнул*, *шагнул*; ср. также *капнуть* в [ГКТА: 334] и весь § 4.7, особенно с. 246 и 249)? Каким бы это состояние ни было, семельфактивная форма (или семельфактивный глагол) его не описывает, т. е. оно не входит в означаемое такой формы.

Далее, куда попадают конклюдивные глаголы? Их главными представителями являются глаголы, называющие неспецифическое восприятие, и близкие им глаголы ментальных событий (*замечать*, *обнаруживать*, *улавливать*, *находить* и т. п.), а также глаголы речи, связанные с теми или иными иллокутивными актами (*говорить* / *сказать*, *просить*, *благодарить*, *приказывать* и т. п.); сюда же относятся некоторые глаголы других лексических групп (например, *спотыкаться*, *натывать*; см. [Менде и др. 2011: 36–37]). Все они соответствуют вышеупомянутым характеристикам пунктивов по [Durst-Andersen 1994; Filip 1999]. Глаголы, обозначающие иллокутивные или ментальные события, входят в основной слой глагольной лексики в разных (возможно, даже во всех) языках мира. Автор учитывает иллокутивные глаголы только в контексте «говорения и речепроизводства», т. е. вкупе с глаголами типа *кричать*, *беседовать*, *рассказывать* [ГКТА: 189–190], в семантику которых не входит (или легко подавляется) иллокутивный компонент. Можно, конечно, возразить, что лексическая семантика глаголов (и их более дробное членение на лексемы) автора не интересует. Но тем не менее нельзя отвлечься от того, что глаголами, включающим определенными, причем единичными иллокутивными актами, вряд ли уместно приписывать имплицитно инкрементальные свойства — вопреки попытке автора: «в инкрементальном отношении с событием находится речевое произведение — рассказ, речь, похвала, порицание, просьба и т. д. Чем дольше оратор говорит речь, тем большая часть речи произнесена, и чем больше развивается ситуация ‘хвалить’, тем большее количество похвал (или большая часть единственной похвалы) высказывается» [ГКТА: 189]. Такое объяснение выглядит довольно искусственным. Оно еще осмысленно в случае глагольных предикатов, в означаемое которых входят сложные речевые акты, разворачивающиеся во времени (т. е. их экстенционалы легко расчленишь на субинтервалы) и с квантованным объектом; например, *рассказывать анекдот*, *подводить (все) итоги*. Но такое объяснение полностью лишено смысла, когда речь идет о единичных актах, входящих в экстенционал таких глаголов как *хвалить*, *просить*, *упрекать* (в смысле ‘высказывать похвалу / просьбу / упрек’), *благодарить*, *приглашать*, *отказываться*, *запрещать* и т. д. Сами по себе единичные иллокутивные акты неподразделимы. Их можно, конечно, умножать, как бы «нанизывая» один на другой, как это делает автор в только что приведенной цитате с глаголом *хвалить* (причем допускаются даже не квантованные объекты). Но тогда в экстенционал предикатов, образуемых с помощью такого глагола, входит множество одинаковых актов, а эта ситуация скорее напоминает мультипликативы; в любом случае, автор подставляет многократное повторение (и, тем самым, неопредельный процесс) на место декомпозиции собственно значения данной лексемы. Иллокутивные акты не завязаны на возможные предваряющие процессы (необходимые для возникновения инкрементальности) — такие процессы появляются только благодаря сопутствующим физическим аспектам³¹.

³¹ Вместе с тем, именно иллокутивный компонент в значении глаголов речи лежит в основе возникновения регулярного сдвига речевого глагола в область ментального (или социального) состояния (например, *Вас приглашают на ужин*, а также *Вас хвалят / ругают своего начальника* предполагают изречения, содержащие соответствующую иллокуцию). Такое значение вызывает вторичное инцептивно-стативное поведение, которое учитывается рядом авторов (см. [Breu 1994; 2000] и др.), а в системе ГКТА описывается как <ES, S> (см. ниже). Но в этой системе такие регулярные значения речевых и им подобных глаголов роли не играют (возможно, из-за их вторичного характера?).

В итоге автор выделяет пять акциональных значений [ГКТА: 96]: состояние (S), процесс (P), вхождение в состояние (ES), вхождение в процесс (EP), мультипликативный процесс (MP). Можно сказать, что эта система не предусматривает места для событий, лишенных результирующего состояния (или не указывающих на начало процесса). Как мы могли убедиться, глаголы, называющие такие события, существуют, причем большинство из них предсказуемы и они не представляют *quantité négligeable*. Вместе с тем, состав акциональных значений включает два типа, указывающих на последствия кульминации (вхождение в состояние, вхождение в процесс), но нет отдельного типа, значение которого указывало бы просто на кульминацию (достижение предела). Поэтому возникает вопрос, как соотносятся друг с другом предельные события (кульминации) и результирующие состояния: если первые подменяются последними, то не подставляется ли логическое следствие (entailment) на место собственно значения (ассерции)?³²

Ср., например, предложения *Таня пришла на прием* и *Вася почистил (всю) картошку*: конечно, такое предложение истинно, если Таня после момента прихода на прием продолжала там же находиться и, соответственно, если картошка лежит где-нибудь в почищенном виде благодаря Васиной деятельности. Иначе говоря, эти предложения верно описывают следствия законченных Таней или Васей действий. Однако эти же предложения могут описать просто момент, в который свершилось данное событие, а обыкновенные тесты с временными адьюнктами доказывают, что фокусное время полностью включает именно этот момент, но не интервал, занимаемый следующим за этим моментом состоянием (... *пришла ровно в 8:13 / ненадолго* / *с 8 до 10; ... *почистил всю картошку за 30 минут / *30 минут*). Поэтому нужно полагать, что как раз этот момент кульминации и создает означаемое данных форм, а следующее за ним состояние может быть связано с этими формами только через импликацию (entailment), т. е. механизм, заставляющий вывести истинность какой-нибудь пропозиции B из истинности пропозиции A (например, 'Если верно, что Таня пришла на прием в промежуток t_0 [= A], то также верно, что она находилась на приеме в промежутки $t_{1...n}$ [= B]'). Если мы не будем отличать асртируемое значение от его импликации (хоть и необходимой), мы лишимся возможности адекватно и исчерпывающе описать акциональный потенциал соответствующих глагольных лексем в связи с разными грамматическими контекстами, оказывающими влияние на осуществление этого потенциала. Например, нарративные высказывания способствуют выделению событий (т. е. лимитации интервалов или любых их частей), а в случае лексем, в потенциал которых кроме вхождения в состояние / процесс (= событие / кульминация) входит и состояние или процесс, нарративный контекст легко блокирует эти последние.

В ГКТА (и АЛГ) роль нарративных контекстов затрагивается только попутно, для рассуждений автора они значения не имеют. Но есть и другие случаи, в которых необходимо различать асртицию и импликацию (логическое следствие). Можно указать, например, на так называемое перфектное значение предельных глаголов СВ в славянских языках. Достаточно осознать, что у перфективных форм переходных глаголов, называющих смену состояния, имеется регулярное соотношение между событийным значением (когда фокусное время полностью включает время ситуации), например, *Нас озадачили*, *Пол помыли*, *Письмо сожгли*, и его статальным эквивалентом (когда фокусное время вмещается во временной интервал описываемой ситуации как его собственная часть), который способны выражать диатезные корреляты этих же глагольных форм; ср. *Мы озадачены*, *Пол помыт*, *Письмо сожжено*. Подобное противопоставление встречается среди акциональных значений, обсуждаемых в связи

³² Интересно, что автор на деле проводит различие между событием и результирующим состоянием при обсуждении стативно-процессного варьирования [ГКТА: 145–147]; см. также [ГКТА: 370] при обсуждении двух перфектов в карачаево-балкарском языке. Кульминация и результирующее состояние различаются также в [ГКТА: 235], но при обсуждении свойств русской видовой системы предельным глаголам СВ (типа *написать*) везде приписывается значение достижения результирующего состояния (например, в [ГКТА: 279]).

с перфектом (в языках, где такой грам существует), а также при сравнении акционального и статального пассива (= результата³³) — явления, тесно связанного со значениями перфекта и хорошо описанного³⁴. Наконец, что касается отдельных глаголов, анализируемых автором, то иногда хочется спросить, что, собственно, входит в означаемое тех форм, которым приписывается вхождение в состояние. Например, перфект карачаево-балкарского глагола *qicir* ‘кричать’ в сочетании с адьюнктом, задающим инклюзивный интервал и тем самым создающим квантованность процесса, переводится как ‘накричался’ [ГКТА: 220]. Но как у такой предельной (инкрементальной) интерпретации, так и у русского переводного эквивалента в ассерцию (т. е. фокусное время) входит только момент кульминации, а состояние, которое за ним следует (например, ‘охрип’), видимо, входит в импликацию данной формы лексемы. А за формами прошедшего времени марийского глагола *jör-* ‘гаснуть’ признаются два прочтения: либо состояние, но с русским переводом (по ошибке?) ‘(огонь) погас’ (а не ‘был погасшим’), либо кульминация (с тем же переводом), причем результирующее состояние (соответствующее первому прочтению) лишь имплицитно³⁵ [ГКТА: 240].

Неразличение достижения предела (= кульминации) и результирующего состояния не оказывается пагубным для межъязыкового сравнения постольку, поскольку ко всем сравниваемым языкам применяется одинаковый анализ. Однако можно догадаться, что неучет этого различия принципиально сдвигает распределение целых пластов глаголов (или их форм, дериватов) по акциональным типам и, вследствие этого, по классам.

2.2. Глава 3: Акциональность в языках со словоизменительным видом

Открывается поиск «минимальных носителей [акциональных значений] предикатной семантики», которыми являются формы глаголов (в словоизменительных системах, см. гл. 4) или глагольные основы (в деривационных системах, см. гл. 5) [ГКТА: 98]. Акциональная характеристика глагольной лексемы «представляет собой (...) множество множеств акциональных значений, в котором каждый элемент соответствует комбинации глагола с грамматическим показателем» [ГКТА: 104, 165–166]. Вся процедура определения акционального поведения (она приведена ниже на с. 118) соответствует принципу наибольшей экономии (т. е. выводимая или предсказуемая информация не уточняется). Информация записывается в угловых скобках, сначала для перфективной, потом для имперфективной формы. Значения для каждой из форм пишутся совокупно через пробел (без запятой), а наборы значений перфективной и имперфективной форм разделяются запятой. Например, слабые предельные глаголы имеют запись <ES P, P>, т. е. перфективный член может описывать либо вхождение в состояние, либо (ограниченный временем) процесс, а имперфективный член способен описывать только процесс. Такой формат записи облегчает отождествление идентичных классов в межъязыковом сравнении, а также — установление относительной концептуальной близости разных классов между собой (см. 2.3).

³³ Об этом последнем автор упоминает, причем вскользь, только в Приложении 4 [ГКТА: 468, сн. 41].

³⁴ Кроме литературы, упоминаемой самим автором, по типологии перфектов, в частности их акциональной vs. статальной интерпретации, см. [Недялков, Яхонтов 1983; Breu 1988; Thieroff 2000; Wiemer, Giger 2005; Плунгян 2016], для обзора балтийского и славянского материала см. [Arkadiev, Wiemer, in print], по вопросам взаимодействия с пассивом, результирующим, а также с предельностью в славянских языках см. [Wiemer 2017].

³⁵ Интересно, что адьюнкту *tide minut* ‘десять минут’ в русском переводе дается эквивалент *на десять минут*. (Судя по переводу, автор, скорее всего, имел в виду *lu* (= десять) *minut*. Я благодарю Льва Козлова за то, что обратил внимание на эту неточность.) Можно ли в марийском языке отличить временные адьюнкты, задающие временные пределы, от тех, которые обозначают интервалы без ограничений? Подобная информация была бы иногда существенна для оценки материала.

Результаты анализа акционального поведения отдельных видо-временных форм каждого глагола заносятся в матрицы, а глаголы с одинаковым составом акциональных значений (в матрицах) объединяются в акциональные классы. Таким образом, анализ ведется «в обход» лексического значения. Как, однако, выделяются видо-временные показатели и как они объединяются в перфективные и имперфективные? Автор рассматривает только те частно-языковые показатели, манифестирующие МКТ (вслед за [Dahl 1985]), которые «с большой вероятностью представлены в любом языке», у которых минимум лексических ограничений и в которых преобладает аспектуальная семантика (а не временная или модальная) [ГКТА: 107–108]. МКТ, которые по мнению автора удовлетворяют этим условиям, в акциональной характеристике причисляются либо к перфективному (PFV), либо к имперфективному члену (IPFV). Если в данном языке точного представителя одного из таких МКТ нет, то к PFV или к IPFV причисляются другие — в зависимости от того, к какому из них данный МКТ содержательно ближе; для PFV это PAST, а для IPFV — PROG, PRES и PASTI [ГКТА: 119–120].

Если мы отвлечемся от частных вопросов (например, глаголы с одинаковыми акциональными характеристиками могут вести себя по-разному в сочетании с IPFV и с PROG), то все равно необходимо осознать, что PAST и PFV находятся в отношении пересечения (и область применения PAST может оказаться шире, чем у PFV)³⁶, в то время как PROG по сравнению с IPFV — уже, т. е. область применения (и количество функций) PROG включается в IPFV. К тому же, откуда мы знаем, что в каком-либо частно-языковом граме PAST или PRES собственно временная семантика не преобладает над аспектуальной (в соответствии с их названиями)? Можно лишь догадываться, что содержательная близость (в частности, между PAST и PFV) определяется на основании интерпретаций соответствующих форм по умолчанию или по частотности в текстах. Во всяком случае, нельзя полностью отделаться от впечатления, что тесные ассоциации между определенными типами временной и аспектуальной семантики приводят к слишком грубым обобщениям. Цель автора понятна — нужно добиться межъязыковой сопоставимости, а достичь этой цели можно, лишь отказавшись от частностей. Однако вопрос в том, не затемняют ли слишком грубые обобщения о видо-временных показателях, эквивалентность которых не всегда очевидна, частно-языковые различия как раз на уровне акционального поведения сопоставляемых лексем.

В дальнейшем я оставляю в стороне много проблем и наблюдений, тщательно анализируемых автором, но менее существенных для устройства всей системы. Более принципиальны те решения, которые автор принял, чтобы справиться с рядом обстоятельств, которые, вместе с основной проблемой непрямого доступа, могут затруднять анализ. На них удобно указать в связи с процедурой акциональной классификации, которая в окончательном виде выглядит следующим образом [ГКТА: 161]:

«Акциональная характеристика глагола представляет собой пару множеств вида $\langle \{x \mid x \text{ — акциональное значение форм с перфективной интерпретацией} \}; \{y \mid y \text{ — акциональное значение форм с имперфективной интерпретацией} \} \rangle$. И те и другие формы принимаются к рассмотрению

- (i) в эпизодических употреблениях;
- (ii) в составе предикаций с полным набором синтаксических актантов, но в отсутствие каких-либо адъюнктов;
- (iii) актанты представлены именными группами в единственном числе,
- (iv) занимающими максимально возможную для данного глагола позицию в иерархии одушевленности.

Акциональное значение глагольной формы — это совокупность всех акциональных значений, которые могут быть приписаны этой форме. Акциональный класс представляет собой множество глаголов с одинаковой акциональной характеристикой».

³⁶ См. обсуждение частых комбинаций МКТ в [Dahl 2000: 16–18].

Ограничение (i) появилось потому, что хабитуальные употребления «не содержат никакой акциональной информации, которая отсутствовала бы в эпизодических употреблениях, и, следовательно, для акциональной классификации хабитуальные употребления не нужны» [ГКТА: 118]. Ограничения (ii) и (iii) введены из-за известных осложнений акциональной композиции на уровне νP , частично обуславливающих проблему непрямого доступа (см. [ГКТА: 122–140], а также [АЛГ: гл. 3]). Они особенно наглядно показывают, что в словоизменительных системах акциональная классификация не может строиться как классификация лексем, а только как классификация глагольных форм. Наконец, ограничение (iv) в общей процедуре появилось потому, что актанты, «имеющие высокий ранг в иерархии одушевленности, позволяют увидеть более полный диапазон акциональных возможностей, чем те, которые занимают в иерархии непривилегированную позицию» [ГКТА: 157]. Так, например, каузативные глаголы в перфективной форме допускают интерпретацию процесса с временной лимитацией (и употребление соответствующего показателя), если каузатором является агенс-человек (13б); если же каузатором выступает стихия (= эффлектор), такая интерпретация оказывается невозможной (13в). См. примеры из [ГКТА: 158]:

(13) а. <i>Володя / Ветер открыл дверь.</i>	агенс [+hum] / эффлектор [-hum]
б. <i>Володя пооткрывал дверь пять минут (и бросил это занятие: замок намертво заклинило)</i> ³⁷ .	агенс [+hum]
в. <i>*Ветер пооткрывал дверь.</i>	эффлектор [-hum]

2.3. Глава 4. Акциональные системы

В этой главе рассматриваются акциональные системы в языках со словоизменительным видом. Систематическому анализу подвергаются три языка: багвалинский (нахско-дагестанская семья), карачаево-балкарский (тюркская семья) и (луговой) марийский (уральская семья). Эти языки не соотносены генеалогически, а их видо-временные системы тоже весьма различны (см. Приложение 1). Поэтому автор полагает, что анализ одних этих трех языков уже дает достаточно представительную картину вариативности акциональных систем. Местами к анализу привлекается также татарский язык (мишарский диалект); он, как и карачаево-балкарский, относится к тюркской семье (кроме того, у него имеются прямые ареальные связи с луговым марийским).

Слабые предельные глаголы <ES P, P> признаются самым многочисленным акциональным классом, в котором к тому же отмечается заметное межъязыковое варьирование [ГКТА: 182–188, 256–257]. Перфективные формы могут выражать временную лимитацию процесса. К слабым предельным глаголам автор относит ряд глаголов речи, у которых не всегда понятно, обозначают они иллюкутивный акт, например ‘хвалить’, ‘ругать’, ‘просить’, или просто речевую деятельность или производство звуков, например ‘лаять’, ‘блеять’, ‘кричать’ [ГКТА: 189–192]; см. 2.1. Подобное замечание справедливо по отношению к таким единицам как ‘смотреть’, ‘слушать’, ‘работать’, ‘свистеть’. Видимо, хотя бы некоторым из этих единиц свойственна лабильность в отношении предела (т. е. предел они приобретают только с перфективной формой), например ‘смотреть’ (> увидеть), ‘слушать’ (> выслушать), ‘грызть, кусать’ (> ‘пере-/от-/разгрызть’), ‘танцевать’ (> ‘станцевать танец’).

³⁷ Можно добавить, что различия между агенсом и эффлектором сказываются не только на диапазоне допустимых прочтений перфектива. Они отражаются также на конативной интерпретации имперфективного члена: *Володя / *Ветер долго открывал дверь (но так ее и не открыл)*.

У глаголов активного восприятия предел задается квантованностью объекта (ср. *слушать радио vs. слушать передачу*) [ГКТА: 194–196]³⁸.

Далее автор приводит факты, говорящие в пользу того, что предельность, а вместе с ней и инкрементальность, следует понимать как градуируемое свойство. Как особую группу автор выделяет антиинкрементальные глаголы (= глаголы результата); сюда относятся эквиваленты глаголов 'ронять', 'гасить', 'привязывать'. Их особенность заключается в том, что переход подверженного воздействию актанта происходит «мгновенно в конечной точке деятельности агенса» [ГКТА: 200]. Автор показывает, что часть этих глаголов в ограниченном объеме позволяет ввести инкрементальные отношения между хотя бы одним из актантов и деятельностью. Эти факты подтверждают анализ предельности, предложенный, например, в [Łaziński, Wiemer 1996a; 1996b; Вимер 2000] на материале польского и русского языков, также применительно к глаголам передачи информации. В связи с этим отмечу, что к антиинкрементальным глаголам могут относиться глаголы, обозначающие сложные речевые действия, такие как *убеждать*, *уговаривать* или *склонять* (к какой-л. точке зрения), и что также они могут при определенных условиях испытать акциональные сдвиги, вызванные появлением инкрементальных свойств. Было бы любопытно разобраться в том, насколько соответствующие глаголы в изучавшихся автором языках ведут себя так же и тем самым понять, насколько механизмы, способствующие «вторичной инкрементализации», проявляются аналогичным образом среди представителей разных лексических групп (речевых и неречевых), в которых обнаруживаются антиинкрементальные глаголы.

Автор, рассуждая о причинах межъязыкового варьирования относительно градуальности инкрементальных черт, отмечает, что особенно у глаголов результата (например, 'ломать', 'открывать') роль играет онтологическая принадлежность каузатора по признаку [+hum] («человек»). В общем и целом нужен также учет того, привязан ли переход в новое состояние к свойству с минимальным стандартом сравнения (например, '(ис)пачкаться') или с максимальным стандартом сравнения (например, 'возвращаться', 'приходить', 'умирать') [ГКТА: 202–208]. По отношению к последней группе удивляет, что автор обходит молчанием факт довольно заметного межъязыкового варьирования интерпретации глаголов типа 'умирать'³⁹; варьирования в случае 'приходить' он касается только вскользь, сведя его к лексикализации [ГКТА: 206].

Далее автор подробно обсуждает особенности отдельных акциональных классов. Из множества тонких наблюдений здесь можно остановиться лишь на немногих. Так, к самым замечательным частным результатам анализа относится необходимость выделения класса двупредельных глаголов: <EP ES P, P>, т. е. перфективная форма, кроме (лимитированного) процесса, способна обозначать либо начало процесса, либо начало состояния. Такую ситуацию удалось обнаружить пока что только в карачаево-балкарском, например, с глаголом *zan-* 'гореть', а также в ряде других тюркских языков [ГКТА: 218–222].

Глаголы, относящиеся к разным стативным подклассам, не создают естественных групп [ГКТА: 229–232], зато различия между слабым и сильным инцептивно-стативными классами почти полностью соответствуют различиям между слабым и сильным предельными классами [ГКТА: 227]. Автор прав, отмечая, что инцептивно-стативные глаголы до сих

³⁸ Кажется, исследуемые автором языки в этом отношении более похожи на английский тип инкрементальности (интерпретация глагольного предиката зависит от качеств объекта), чем на русский тип (глагол, в частности, если у него есть определенные приставки, сам задает или сужает инкрементальную интерпретацию).

³⁹ См. [Breu 1994: 33–34; 1996: 45; Johanson 1996: 251–252; 2000: 62] и, прежде всего, [Botne 2001; 2003]. Так, например, японское *shinu* 'умереть', не допуская процессно-предельного значения, ведет себя как инцептивно-стативный глагол <ES, S> [Алпатов и др. 2008: 80], тогда как турецкое *öl-* 'умереть' ведет себя как <ES, P>. За справки я приношу свою благодарность П. М. Аркадьеву, В. Брою, А. С. Паниной, В. А. Плунгяну и Ю. Ренчу.

пор находились «в загоне», но он сам обходит молчанием факт, что его сильные инцептивно-стативные глаголы <ES, S> соответствуют классу ISTA в теории ILA («Взаимодействие между лексикой и видом», нем. «Interaktion zwischen Lexik und Aspekt») В. Броя [Breu 1994; 1998; 2000 и сл.], где как раз осуществляется «избирательный анализ» пригодных для типологии глагольных лексем, к которому призывает автор. Классификация ILA также учитывает сложный и весьма узкий класс глаголов, которые автор ГКТА называет «суженным стативно-процессным». В отличие от подгрупп процессно-результативных глаголов, выделяемых для языков со словоизменительным видом [ГКТА: 232–244], в данной группе перфективный член не способен обозначать состояние (с временным ограничением): <ES, P S>; ср. русск. *окружить / окружать*⁴⁰, *спрятаться / прятаться*, *расположиться / располагаться*. Этот тип (у В. Броя называемый INCO) по логике ГКТА следовало бы отнести к сильному подгруппам стативно-процессных глаголов (у которых перфективный член не может иметь процессного значения). В ГКТА этот класс выделяется только в анализе русской акциональной системы. На данный момент трудно сказать, является ли класс INCO, или <ES, P S>, особенностью словоклассифицирующих систем (в частности, славянской).

§ 4.9 [ГКТА: 253–271] можно считать одним из самых сильных разделов обеих книг. В нем автор развивает объяснительную силу сделанных наблюдений и их значимость для дальнейших теоретических обобщений; невзирая на все сделанные выше оговорки, стройность системы и релевантность для типологического сравнения становятся особенно очевидными. Сводные таблицы показывают главные результаты по трем исследуемым языкам [ГКТА: 254–255], и применяемая система сравнивается с другими (не всеми) известными классификациями акциональных классов. Автор аргументирует, что как раз эмпирически обоснованный «обход» проблемы непрямого доступа ведет к раздробленности отдельных классов, в частности стативных и предельных, а также к хорошей представленности слабых предельных глаголов (т. е. глаголов, перфективные формы которых позволяют обозначать ограниченные во времени процессы, не достигающие предела). Вывод, что широкую представленность слабых предельных глаголов следует признать типологически «дефолтным случаем» [ГКТА: 257], кажется немного преждевременным. Во-первых, все выводы опираются в основном всего лишь на три языка, а во-вторых, автор не очень внимательно отнесся к межъязыковой вариативности именно в области слабых и сильных предельных глаголов, включая антиинкрементальные глаголы (см. выше).

На самом деле, привлекательность рассуждений автора — не столько в обнаруженных фактах и их сводной характеристике, сколько в построении иерархии акциональных классов, указывающей измерения, по которым возможны уточнение и эмпирическая проверка их относительной семантической близости, а также концептуальной сложности [ГКТА: 258 и сл.]. Общее устройство этой иерархии позволяет показать, что «акциональная сложность (т. е. количество значений в акциональной характеристике) нарастает в естественном языке строго монотонно». Только мультипликативы отклоняются от этой закономерности, что можно расценить как симптом того, что эти глаголы «образуют отдельное измерение в системе» [ГКТА: 259]. Предложенная иерархия имеет некоторое сходство с семантической картой — на что обращает внимание сам автор [ГКТА: 268–271]. Однако поэтапное нарастание акциональных значений сближает ее скорее с «inheritance hierarchy»⁴¹. Монотонность нарастания отражается в том, что, «если акциональность глагола колеблется в зависимости от свойств актантов, то это всегда колебание между минимально отличными акциональными характеристиками» (что как раз может быть расценено как аналог принципу смежности семантических карт). Аналогичный вывод можно сделать по межъязыковому

⁴⁰ В [ГКТА: 154] глаголу НСВ *окружить* несправедливо было отказано в стативном значении (см. двузначность *Солдаты / Войска окружали крепость*), из-за чего пара *окружить / окружат* и не попала в стативно-процессную группу.

⁴¹ Я признателен Андрею Мальчукову за дискуссию на эту тему.

варьированию, включая случаи, когда сумма акциональных значений двух глаголов одного языка равняется значениям одного глагола с более «богатой» акциональной системой в другом языке [ГКТА: 264–265]. Или иначе: «сходные лексические значения разных языков проецируются в компактную акциональную область (...), и если варьирование имеет место, оно стремится быть минимальным» [ГКТА: 268]. Примечательно, что все эти выводы в равной мере справедливы и по отношению к русской видовой системе ([ГКТА: 353–356]; см. 2.4). Наконец, автор выдвигает функциональное обоснование, позволяющее предсказать, какие акциональные классы, скорее всего, могут претендовать на статус межъязыковых акциональных типов: это — «компромиссные классы», расположенные в центральной части системы, «где акциональная неоднозначность возможна [в интересах говорящего, экономя — *Б. В.*], но в ограниченных пределах [в интересах слушающего, точность — *Б. В.*]» [ГКТА: 266–267].

2.4. Глава 5: Акциональность и деривационный вид

Существенное достоинство этой главы в том, что автору удается показать, что акциональные классы и акциональные системы могут сопоставляться независимо от того, строится ли видовая система данного языка на словоизменительной морфологии или на словообразовательных моделях, так что ее можно считать деривационной. Тогда как в главе 4 фокус внимания находился на языках со словоизменительной системой, в данной главе русский язык выбирается для иллюстрации процедуры выделения акциональных классов в языках с деривационным видом.

Нужно исходить из того, что акциональные классы в русском языке определяются не для единичных лексем, а для пар или групп лексем, связанных словообразовательными связями; то есть, акциональные значения распределяются по формам не одной, а двух или более лексем [ГКТА: 278–288]. Затем автор очень метко указывает на центральную проблему: если бы акциональные классы определялись на основе принятых в русской аспектологии видовых пар [ГКТА: 288–299], деление оказалось бы несопоставимым и контринтуитивным. Оно привело бы (а) к появлению огромного количества пунктивных глаголов, (б) к неравномерному распределению предельных пар в зависимости от наличия / отсутствия вторичного имперфектива (например, *пахать* — [*вспахать* — *вспахивать*] vs. [*писать* — *написать*] — *написывать), (в) к невыделению ингрессивно-непредельных глаголов / пар (ср. *чувствовать* — *почувствовать* → видовая пара vs. *любить* — *полюбить* → не видовая пара). К тому же, (г) было бы «мало шансов получить акциональные классы с неоднозначными перфективными и/или имперфективными формами», поскольку приставочные дериваты от простых основ, как правило, сужают диапазон до одной единственной интерпретации (например, *кипеть* — *закипеть* vs. *покипеть*) и обычно также не включаются в видовые пары [ГКТА: 298]. На самом деле, все эти проблемы коренятся в том, что видовые пары определяются с помощью тривиальных условий (основанных на лексическом тождестве при сохранении событийного значения), тогда как ради типологической сопоставимости при определении акциональных классов следует руководствоваться не лексическим тождеством, т. е. тем, что объединяет формы или соотносенные в парах основы, а тем, что их различает⁴² (см. [Вимер 2017]).

Хотя о причине этих различных подходов автор прямо не пишет, его рассуждения падают в точку. Его методика, приспособляющая установление акциональных классов в деривационной видовой системе к схеме, уже отработанной на словоизменительных системах, во всех принципиальных моментах убедительна. При этом он не предпринимает

⁴² То есть, необходимо выбрать путь, прямо противоположный тому, который был начертан в [Зализняк, Шмелев 1997: 37–44]; см. также [Зализняк и др. 2015].

лишней попытки сводить продуктивные свойства деривационной системы к словоизменению⁴³. Это «приспособление» проводится с той же последовательностью, которая свойственна изложению автора на протяжении и АЛГ, и ГКТА. Впрочем, отдельные элементы и идеи, которые он привлекает для общей картины, отнюдь не новы. Необходимо подчеркнуть, что некоторые его выводы и постулаты известны и внедряются уже не один десяток лет (см. [Breu 1994; 1998; 2000; 2005; Lehmann 1995; 1999a; 1999b: 215–229; 2004; Вимер 2001])⁴⁴. Поэтому его утверждение, что фиксация АК по парам или даже группам глаголов «расходится с большинством существующих описаний семантических классов русских предикатов» [ГКТА: 283], можно расценить как следствие его ограниченного восприятия исследований по славянскому, в частности русскому виду. Рассмотрение акциональных характеристик для пар НСВ — СВ проводилось как минимум со второй половины 1980-х гг.; в частности, теория ИА В. Броя с момента ее возникновения применялась к русскому языку с учетом пар, которые только вместе создают полный инвентарь акциональных функций соответствующего акционального класса. Более того, работы Ф. Лемана и В. Броя в какой-то мере (осознанно или случайно) воспроизводили и развивали идеи, выдвинутые Ю. С. Масловым еще в статье [Маслов 1948/2004]. Различению семантически мотивированных основ НСВ и СВ, эмпирически обоснованному в этих работах⁴⁵, соответствует различение α - и β -глаголов у Ф. Лемана (начиная со статьи [Lehmann 1993], см. также [Менде и др. 2011: 46–48]). Недавно описание акциональных характеристик с различением первичных (= α -глаголов) и вторичных категорий (= β -глаголов) было проведено на большом массиве русских глаголов в словаре [Менде и др. 2011]. В нем акциональные функции, складывающиеся в один акциональный класс, совокупно выражаются глагольными основами, которые связаны словообразовательными аффиксами.

Здесь, по сути дела, выдвигаются те же постулаты, которые мы встречаем у автора ГКТА, с той разницей, что последний эксплицитно продвигает их на один-два шага дальше. Чтобы добиться лучшей сопоставимости с акциональными классами в языках со словоизменительным видом (см. сопоставление в [ГКТА: 309–311, 322, 357]), он вместо видовых пар предлагает понятие акциональной пары [ГКТА: 303]. Бросается в глаза, что многие видовые пары русского языка соответствуют определению акциональных пар (ср., например, процессно-предельные пары в теории ИА и трансформативы Ф. Лемана, которые соответствуют сильному предельному классу <ES, P>). Справедливо также указание на то, что для описания акциональной системы типа русской недостаточно множества акциональных пар (ср. *теряться* — *потеряться*), часто необходимо учитывать тройку или даже четверку деривационно связанных друг с другом основ; ср. *писать* — *пописать* — *написать*,

⁴³ Стоит отметить, что автор не уточняет критериев, определяющих словоизменительный или словоклассифицирующий характер видовой системы. Видимо, он руководствуется тем, что в русском языке продуктивные образцы противопоставления НСВ и СВ не привязаны к показателям времени, но зато затрагивают целые основы, вовлекая не только финитные, но и нефинитные формы (однако последние для ГКТА никакой роли не играют — за исключением отглагольных существительных; см. 1.5).

⁴⁴ Ср. [ГКТА: 281]: «*Hanucatsch* реализует ровно половину акциональных возможностей глагола *write*, а вторую половину берет на себя глагол *nutzen*» — и [Lehmann 1999b: 229]: «Грамматикализация [вида] состоит в том, что с помощью словообразования практически каждому лексическому значению сопоставляется один глагол для перфективных употреблений, и, как правило, только для них, и другая форма для имперфективных употреблений, и, как правило, только для них» („Die Grammatikalisierung besteht also darin, dass für tendenziell jede lexikalische Bedeutung durch Derivation sowohl ein Verb für die Perfektivität und im Prinzip nur für diese und eine Form für die Imperfektivität und im Prinzip nur für diese zur Verfügung gestellt wurde“). Несмотря на то, что автор ГКТА отказывается от анализа лексического значения, он все равно исходит из наличия единого лексического значения (концепта) так же, как и Ф. Леман при анализе акциональных функций русского глагола (как в диахроническом развитии, так и в современном языке).

⁴⁵ См. прежде всего [Breu 1980; 1984; Lehmann 1988; 1993], а также [Bermel 1997].

копать — *покопать* — *вскопать* — *вскапывать* (то же с основой *читать*), *открыть* — *пооткрывать* (‘некоторое время заниматься открыванием’) — *открывать*, *лечь* — *ложиться* — *полежать* — *лежать* [ГКТА: 311–322]. Эти группы лишь небольшой частью совпадают с тройками «биимперфективного типа» [Зализняк и др. 2015: 58 и сл.], которые выделяются на основе тривиальных условий парности; не тождественны они также аспектуальным кластерам (см. [Janda 2007]). В конце концов, основополагающий принцип организации русской глагольной системы автор усматривает в разбиении глаголов на многочисленные группы, а пары представляют лишь их частный случай. Акциональный класс понимается как множество акциональных групп с одинаковым акциональным поведением, а вся система равна классификации акциональных групп [ГКТА: 314, 321], определяемые как такие совокупности «деривационно связанных глаголов, что любой элемент этой совокупности образует акциональную пару с каким-то элементом этой же совокупности и никакой элемент не образует акциональную пару с глаголом вне совокупности. Акциональная группа — это тот объект, в котором полностью реализуется акциональный потенциал глагольной основы. Поэтому акциональная классификация для русского языка — это именно классификация акциональных групп» [ГКТА: 357].

В общем и целом, от исходных предпосылок и методологии, легших в основу главы 5 ГКТА, лексикографический опыт в [Менде и др. 2011], а также остальные упомянутые выше работы по славянской (или русской) аспектологии существенно отличаются лишь тем, что в них анализ ведется с позиций уже установленных лексем (понимаемых как вокабулы в одном из отраженных в толкованиях значений). Другими словами, в то время как автор ГКТА отказывается от учета лексического значения, упомянутые выше авторы в полной мере не только считают со взаимодействием между акциональным поведением и лексическим значением глагольных основ, но и опираются именно на последнее. Однако как раз поэтому может оказаться, что выделяемые в ГКТА акциональные типы глаголов (и получаемые классы) легче поддаются межъязыковому сравнению (невзирая на то, что некоторые акциональные типы оказались неучтенными; см. выше). Так или иначе, главная заслуга автора состоит в разработке процедуры, которая позволяет напрямую соотносить результаты анализа в языках с разными морфологическими типами видо-временных систем, а также в выявлении возможности объяснять расположение акциональных классов в семантическом пространстве (см. гл. 4). Анализ в ряде деталей может показаться спорным, отчасти возражения вызывает ряд решений по выделению (или невыделению) акциональных типов и их свойств, которые мы затрагивали выше. Вместе с тем, анализ русской акциональной системы — в частности также ее сравнение с системой мишарского диалекта татарского языка [ГКТА: 338–351] — изобилует интересными деталями, которые заставляют задуматься над особенностями русской видовой системы на общетипологическом фоне, причем в новом свете. То же можно сказать о Приложении 4 (см. ниже), которое повторяет и развивает аргументацию из [АЛГ: § 5.4]. В рамках этого обзора нет возможности обсудить все спорные точки, а также богатые деталями результаты анализа, содержащиеся в этом приложении.

Заключение

Завершая этот обзор, хотелось бы указать на некоторый парадокс в аргументации автора: он последовательно (и совершенно справедливо) противопоставляет словоизменяемый и словоклассифицирующий типы видовой системы и настаивает на том, что единицами, образующими акциональные типы и классы, являются отдельные лексемы (в совокупности своих финитных форм) в словоизменяемых системах, а пары или группы лексем — в словоклассифицирующих системах. При этом лексемы связаны словообразовательными отношениями, так что словоклассифицирующий характер системы опирается на деривационные модели. Но все равно он не предлагает решения проблемы, как соотнести

свойства словоклассифицирующего вида со структурой финитной предикации, которая для него является исходной точкой в описании акциональной композиции на уровне предложения и которой он ограничивается (за исключением отглагольных существительных). Скорее всего, он этой проблемы даже не замечает. Но чтобы в нее вникнуть и указать ее значимость для анализа и типологии видов-временных систем, а также для понимания взаимоотношений морфологии с синтаксисом, понадобились бы обстоятельные рассуждения, на которые здесь нет места.

Помимо ряда принципиальных и менее значительных возражений против решений автора, а также помимо того, что в его аргументации «за кадром» остался ряд вопросов (например, раз были рассмотрены отглагольные существительные, что тогда с другими нефинитными формами глагола, в частности в системах типа русской?), необходимо еще раз подчеркнуть, что обе обсуждаемые монографии подкупают своим прозрачным построением и энциклопедическим характером. Аргументация отличается последовательностью и строго придерживается устоев теоретико-модельной семантики — что является, с одной стороны, ее достоинством, а с другой стороны, причиной того, что за кадром остались некоторые факты. Как бы то ни было, впредь ни одно серьезное рассмотрение акциональности и видовременных систем не может обойти молчанием АЛГ и ГКТА, и, независимо от ряда недочетов, с системой акциональных классов, созданной автором, должен считаться любой исследователь в этой области. Трудно переоценить инновационный характер этой системы, которая заключается, прежде всего, в попытке обойти проблему непрямого доступа и в эксплицитном характере процедуры, с помощью которой поставленная автором задача может быть решена. Насколько здесь достигнута кульминация — судить тем, кто будет обращаться к этому методу, применяя его к другим языкам и сравнивать результаты, а также отдельные акциональные классы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- АЛГ — Татевосов С. Г. Акциональность в лексике и грамматике (Глагол и структура события). М.: Языки славянской культуры, 2015. [Tatevosov S. G. *AktSIONal'nost' v leksike i grammatike (Glagol i struktura sobytija)*. [Actionality and lexicon and grammar (The verb and event structure)]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2015.]
- Алпатов и др. 2008 — Алпатов В. М., Аркадьев П. М., Подлеская В. И. Теоретическая грамматика японского языка. Кн. 1. М.: Наталис, 2008. [Alpatov V. M., Arkadiev P. M., Podlesskaya V. I. *Teoreticheskaya grammatika yaponskogo yazyka* [Theoretical grammar of the Japanese language]. Book 1. Moscow: Natalis, 2008.]
- Аркадьев 2015 — Аркадьев П. М. Ареальная типология префиксального перфектива. М.: Языки славянской культуры, 2015. [Arkadiev P. M. *Areal'naya tipologiya prefiks'al'nogo perfektiiva* [Areal typology of the prefixal perfective]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2015.]
- Вимер 2000 — Вимер Б. Пресуппозиции и имплицатуры в толкованиях предельных событий и соотносимых с ними процессов // Научно-техническая информация, серия 2. 2000. № 1. С. 31–43. [Wiemer B. *Presuppositions and implicatures in interpretations of telic events and processes associated to them*. *Nauchno-tehnicheskaya informatsiya*, ser. 2. 2000. No. 1. Pp. 31–43.]
- Вимер 2001 — Вимер Б. Аспектуальные парадигмы и лексическое значение русских и литовских глаголов. Опыт сопоставления с точки зрения лексикализации и грамматикализации // Вопросы языкознания. 2001. № 2. С. 26–58. [Wiemer B. *Aspectual paradigms and lexical meaning of Russian and Lithuanian verbs. An experience of comparison from the point of view of lexicalisation and grammaticalisation*. *Voprosy Jazykoznanija*. 2001. No. 2. Pp. 26–58.]
- Вимер 2017 — Вимер Б. О роли приставок и суффиксов на ранних и поздних этапах истории славянского вида // Benacchio R., Muro A., Slavkova S. (eds.). Грамматикализация и лексикализация: роль префиксов в аспектуальных процессах. Firenze: Firenze Univ. Press, 2017. С. 219–253. [Wiemer B. *On the role of prefixes and suffixes in the early and late stages of the history of Slavic aspect*. *Grammatikalizatsiya i leksikalizatsiya: rol' prefiksov v aspektual'nykh protsessakh*. Benacchio R., Muro A., Slavkova S. (eds.). Firenze: Firenze Univ. Press, 2017. Pp. 219–253.]

- ГКТА — Татевосов С. Г. Глагольные классы и типология акциональности. М.: Языки славянской культуры, 2016. [Tatevosov S. G. *Glagnol'nye klassy i tipologiya aksional'nosti* [Verb classes and the typology of actionality]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2016.]
- Зализняк, Шмелев 1997 — Зализняк Анна А., Шмелев А. Д. Лекции по русской аспектологии. München: Sagner, 1997. [Zaliznyak Anna A., Shmelev A. D. *Leksii po russkoi aspektologii* [Lectures on Russian aspectology]. München: Sagner, 1997.]
- Зализняк и др. 2015 — Зализняк Анна А., Микаэлян И. Л., Шмелев А. Д. Русская аспектология: в защиту видовой пары. М.: Языки славянской культуры, 2015. [Zaliznyak Anna A., Micaelyan I. L., Shmelev A. D. *Russkaya aspektologiya: v zashchitu vidovoi pary* [Russian aspectology: In defense of the aspectual pair]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2015.]
- Князев 2007 — Князев Ю. П. Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе. М.: Языки славянских культур, 2007. [Knyazev Yu. P. *Grammaticheskaya semantika. Russkii yazyk v tipologicheskoi perspektive* [Grammatical semantics. The Russian language in typological perspective]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2007.]
- Маслов 1948/2004 — Маслов Ю. С. Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке // Маслов Ю. С. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 71–90. [Репринт из: Известия АН СССР. Т. 7. Вып. 4. С. 303–316.] [Maslov Yu. S. Aspect and lexical meaning of the verb in Modern Standard Russian. Maslov Yu. S. *Izbrannye trudy. Aspektologiya. Obshchee yazykoznanie*. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2004. Pp. 71–90. [Reprint from: *Izvestiya AN SSSR*. Vol. 7. No. 4. Pp. 303–316.]]
- Маслов 1973 — Маслов Ю. С. Универсальные семантические компоненты в содержании грамматической категории совершенного / несовершенного вида // Советское славяноведение. 1973. Т. 4. С. 73–83. [Maslov Yu. S. Universal semantic components in the meaning of the grammatical category of perfective / imperfective aspect. *Sovetskoe slavyanovedenie*. 1973. Vol. 4. Pp. 73–83.]
- Мельчук 1998 — Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Т. 2: Морфологические значения. М.: Языки русской культуры, 1998. [Mel'čuk I. A. *Kurs obshchei morfologii. T. 2: Morfologicheskie znacheniya* [A course of general morphology. Vol. 2. Morphological meanings]. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 1998.]
- Менде и др. 2011 — Менде Ю., Борн-Раухенекер Е., Брюгеман Н., Дипонг Х., Кукла Ю., Леман Ф. Вид и акциональность русского глагола. Опыт словаря. München; Berlin: Sagner, 2011. [Mende J., Born-Rauchenecker E., Brüggemann N., Dippong H., Kukla J., Lehmann V. *Vid i aksional'nost' russkogo glagola. Opyt slovarya* [Aspect and actionality of the Russian verb. A dictionary proposal]. München; Berlin: Sagner, 2011.]
- Недялков, Яхонтов 1983 — Недялков В. П., Яхонтов С. Е. Типология результативных конструкций // Недялков В. П. (ред.). Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект). Л.: Наука, 1983. С. 5–41. [Nedyalkov V. P., Yakhontov S. E. A typology of resultative constructions. *Tipologiya rezul'tativnykh konstruksii (rezul'tativ, stativ, passiv, perfekt)*. Nedyalkov V. P. (ed.). Leningrad: Nauka, 1983. Pp. 5–41.]
- Падучева 1996 — Падучева Е. В. Семантические исследования. (Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива). М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. [Paducheva E. V. *Semanticheskie issledovaniya. (Semantika vremeni i vida v russkom yazyke. Semantika narrativa)* [Semantic studies. (Semantics of tense and aspect in Russian. Semantics of narrative)]. Moscow: Shkola «Yazyki Russkoi Kul'tury», 1996.]
- Падучева 2004 — Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Paducheva E. V. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic models in the semantics of the lexicon]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2004.]
- Падучева, Розина 1993 — Падучева Е. В., Розина Р. И. Семантический класс глаголов полного охвата: толкование и лексико-синтаксические свойства // Вопросы языкознания. 1993. № 6. С. 5–16. [Paducheva E. V., Rozina R. I. The semantic class of full-engagement verbs: interpretation and lexico-semantic properties. *Voprosy Jazykoznanija*. 1993. No. 6. Pp. 5–16.]
- Пазельская 2003 — Пазельская А. Г. Аспектуальность и русские предикативные имена // Вопросы языкознания. 2003. № 4. С. 72–90. [Pazel'skaya A. G. Aspectuality and Russian predicative nouns. *Voprosy Jazykoznanija*. 2003. No. 4. Pp. 72–90.]
- Пазельская 2006 — Пазельская А. Г. Наследование глагольных категорий именами ситуации. Дисс. к. ф. н. М.: МГУ, 2006. [Pazel'skaya A. G. *Nasledovanie glagol'nykh kategorii imenami situatsii. Kand. diss.* [Inheritance of verb categories by event nouns]. Moscow: Moscow State Univ., 2006.]
- Пазельская, Татевосов 2008 — Пазельская А. Г., Татевосов С. Г. Отглагольное имя и структура русского глагола // Плунгян В. А., Татевосов С. Г. (ред.). Исследования по глагольной деривации. М.:

- Языки славянских культур, 2008. С. 348–379. [Pazel'skaya A. G., Tatevosov S. G. The verbal noun and the structure of the Russian verb. *Issledovaniya po glagol'noi derivatsii*. Plungian V. A., Tatevosov S. G. (eds.). Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2008. Pp. 348–379.]
- Плунгян 2000 — Плунгян В. А. Общая морфология (Введение в проблематику). М.: УРСС, 2000. [Plungian V. A. *Obshchaya morfologiya (Vvedenie v problematiku)* [General morphology. Introduction to the issues]. Moscow: URSS, 2000.]
- Плунгян 2011 — Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: Изд-во РГГУ, 2011. [Plungian V. A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introduction to grammatical semantics: Grammatical meanings and grammatical systems of the world's languages]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities Publ., 2011.]
- Плунгян 2016 — Плунгян В. А. К типологии перфекта в языках мира: предисловие // Майсак Т. А., Плунгян В. А., Семенова Кс. П. (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 7. Типология перфекта. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2016. Т. XII. Ч. 2. С. 7–36. [Plungian V. A. Towards a typology of the perfect in the world's languages: Preface. *Issledovaniya po teorii grammatiki. Vyp. 7. Tipologiya perfekta*. Maisak T. A., Plungian V. A., Semionova X. P. (eds.). *Acta Linguistica Petropolitana*. 2016. Vol. XII. Part 2. Pp. 7–36.]
- Пчелинцева 2016 — Пчелинцева Е. Э. От глагола к имени: аспектуальность в русских, украинских и польских именах действия. СПб.: Наука, 2016. [Pchelintseva E. E. *Ot glagola k imeni: aspektual'nost' v russkikh, ukrainskikh i pol'skikh imenakh deistviya* [From the verb to the noun: aspectuality in Russian, Ukrainian and Polish action nouns]. St. Petersburg: Nauka, 2016.]
- Arkadiev 2014 — Arkadiev P. Towards an areal typology of prefixal perfectivation // *Scando-Slavica*. 2014. Vol. 60. No. 2. Pp. 384–405.
- Arkadiev, Wiemer, in print — Arkadiev P., Wiemer B. Perfects in Baltic and Slavic. Crellin R., Jügel T. (eds.). *Perfects in Indo-European languages. Vol. II. The later history of perfects in IE languages*. Benjamins, in print.
- Bermel 1997 — Bermel N. *Context and the lexicon in the development of Russian aspect*. Berkeley, 1997.
- Bertinetto, Delfitto 2000 — Bertinetto P. M., Delfitto D. Aspect vs. actionality. Why they should be kept apart. Dahl Ö. (ed.). *Tense and aspect in the languages of Europe*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2000. Pp. 189–225.
- Bickel 1997 — Bickel B. Aspectual scope and the difference between logical and semantic representation. *Lingua*. 1997. Vol. 102. Pp. 115–131.
- Botne 2001 — Botne R. Towards a typology of *die* verbs in African languages. *Indiana University Linguistics Club Working Papers* 3 (ed. by Robert Botne and Rose Vondrasek). 2001. Pp. 1–11.
- Botne 2003 — Botne R. *To die* across languages: Toward a typology of Achievement verbs. *Linguistic Typology*. 2003. 7–2. Pp. 75–119.
- Breu 1980 — Breu W. *Semantische Untersuchungen zum Verbalaspekt im Russischen*. München: Sagner, 1980.
- Breu 1984 — Breu W. Zur Rolle der Lexik in der Aspektologie. *Die Welt der Slaven*. 1984. Vol. 29. Pp. 123–148.
- Breu 1988 — Breu W. Resultativität, Perfekt und die Gliederung der Aspektdimension. Raecke J. (ed.). *Slavistische Linguistik*. 1987. München: Sagner. Pp. 44–74.
- Breu 1994 — Breu W. Interactions between lexical, temporal and aspectual meanings. *Studies in Language*. 1994. Vol. 18. No. 1. Pp. 23–44.
- Breu 1996 — Breu W. Komponentenmodell der Interaktion von Lexik und Aspekt. Girke W. (ed.). *Slavistische Linguistik*. 1995. München: Sagner. Pp. 37–74.
- Breu 1998 — Breu W. Komplexe aktionale Verbklassen, insbesondere Inchoativa. Berger T., Raecke J. (eds.). *Slavistische Linguistik*. 1997. München: Sagner. Pp. 55–80.
- Breu 2000 — Breu W. Zur Position des Slavischen in einer Typologie des Verbalaspekts (Form, Funktion, Ebenenhierarchie und lexikalische Interaktion). Breu W. (ed.). *Probleme der Interaktion von Lexik und Aspekt (ILA)*. Tübingen: Niemeyer, 2000. Pp. 21–54.
- Breu 2005 — Breu W. Verbalaspekt und Sprachkontakt. Ein Vergleich der Systeme zweier slavischer Minderheitensprachen (SWR/MSL). Kempgen S. (ed.). *Slavistische Linguistik*. 2003. München: Sagner. Pp. 37–95.
- Bybee, Dahl 1989 — Bybee J., Dahl Ö. The creation of tense and aspect systems in the languages of the world. *Studies in Language*. 1989. Vol. 13. Pp. 51–103.
- Bybee et al. 1994 — Bybee J. L., Perkins R., Pagliuca W. *The evolution of grammar. Tense, aspect, and modality in the languages of the world*. Chicago; London: Univ. of Chicago Press, 1994.

- Carlson 1977 — Carlson G. N. *Reference to kinds in English*. PhD thesis. Amherst: Univ. of Massachusetts, 1977.
- Croft 1998 — Croft W. Event structure in argument linking. Butt M., Geuder W. (eds.). *The projection of arguments. lexical and compositional factors*. Stanford: CSLI Publications, 1998. Pp. 21–63.
- Croft 2012 — Croft W. *Verbs: Aspect and causal structure*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2012.
- Dahl 1985 — Dahl Ö. *Tense and aspect systems*. Oxford: Blackwell, 1985.
- Dahl 2000 — Dahl Ö. The tense-aspect systems of European languages in a typological perspective. Dahl Ö. (ed.). *Tense and aspect in the languages of Europe*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter. Pp. 3–25.
- Davidson 1967 — Davidson D. The logical form of action sentences. Rescher N. (ed.). *The logic of decision and action*. Pittsburg: Univ. of Pittsburg Press, 1967. Pp. 81–120.
- Demirdache, Uribe-Etxebarria 2000 — Demirdache H., Uribe-Etxebarria M. The primitives of temporal relations. Martin R., Michaels D., Uriagereka J. (eds.). *Step by step. Essays on Minimalist syntax in honour of Howard Lasnik*. Cambridge, MA: MIT Press, 2000. Pp. 157–186.
- Dowty 1979 — Dowty D. *Word meaning and Montague Grammar. The semantics of verbs and times in Generative Semantics and in Montague's PTQ*. Dordrecht: Reidel, 1979.
- Durst-Andersen 1994 — Durst-Andersen P. Russian aspects as different statement models. Bache C., Basbøll H., Lindberg C.-E. (eds.). *Tense, aspect and action (Empirical and theoretical contributions to language typology)*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter. Pp. 81–112.
- Filip 1999 — Filip J. *Aspect, eventuality types and noun phrase semantics*. New York; London: Garland Publ., 1999.
- Hale, Keyser 1993 — Hale K., Keyser S. J. On argument structure and the lexical expression of syntactic relations. Hale K., Keyser S. J. (eds.). *The view from building 20*. Cambridge, MA: MIT Press, 1993.
- Janda 2007 — Janda L. Aspectual clusters of Russian verbs. *Studies in Language*. 2007. Vol. 31. No. 3. Pp. 607–648.
- Janda et al. 2013 — Janda L., Endresen A., Kuznetsova J., Lyashevskaya O., Makarova A., Nettet T., Sokolova S. *Why Russian aspectual prefixes aren't empty (Prefixes as verbal classifiers)*. Bloomington (Indiana), 2013.
- Johanson 1996 — Johanson L. Terminality operators and their hierarchical status. Devriendt B., Goossens L., van der Auwera J. (eds.). *Complex structures (A functionalist perspective)*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter. Pp. 229–258.
- Johanson 2000 — Johanson L. Viewpoint operators in European languages. Dahl Ö. (ed.). *Tense and aspect in the languages of Europe*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter. Pp. 27–187.
- Karolak 2001 — Karolak S. *Od semantyki do gramatyki*. Warszawa: IS PAN, 2001.
- Klein 1994 — Klein W. *Time in language*. New York: Routledge, 1994.
- Krifka 1989 — Krifka M. Nominal reference, temporal constitution and quantification in event semantics. Bartsch R., van Benthem J., van Emde Boas P. (eds.). *Semantics and contextual expression*. Dordrecht: Foris Publications. Pp. 75–115.
- Krifka 1992 — Krifka M. Thematic relations as links between nominal reference and temporal constitution. Sag I., Szabolcsi A. (eds.). *Lexical matters*. Stanford: CSLI, 1992. Pp. 29–53.
- Krifka 1998 — Krifka M. The origins of telicity. Rothstein S. (ed.). *Events and grammar*. Dordrecht: Kluwer Academic Publ., 1998. Pp. 197–235.
- Kukla 2013 — Kukla J. *Das Verb und sein Abstraktum im Russischen*. München: Sagner, 2013.
- Lehmann 1988 — Lehmann V. Der russische Aspekt und die lexikalische Bedeutung des Verbs. *Zeitschrift für slavische Philologie*. 1988. Vol. 48. No. 1. Pp. 170–181.
- Lehmann 1992 — Lehmann V. Grammatical Zeitkonzepte und ihre Erklärung. *Kognitionswissenschaft*. 1992. No. 2. Pp. 156–170.
- Lehmann 1993 — Lehmann V. Die russischen Aspekte als gestufte Kategorien (Ein Beispiel für die Bedeutung der kognitiven Linguistik in der slavistischen Sprachwissenschaft). *Die Welt der Slaven*. 1993. Vol. 38. No. 2. Pp. 265–297.
- Lehmann 1995 — Lehmann V. Альтернативы акциональных функций русского глагола. Karolak S. (ed.). *Семантика и структура славянского вида*. Vol. 1. Kraków: WSP, 1995. Pp. 113–130.
- Lehmann 1999a — Lehmann V. Sprachliche Entwicklung als Expansion und Reduktion. Anstatt T. (ed.). *Entwicklungen in slavischen Sprachen*. München: Sagner, 1999. Pp. 169–254.
- Lehmann 1999b — Lehmann V. Aspekt. Jachnow H. (ed.). *Handbuch der sprachwissenschaftlichen Russistik und ihrer Grenzdisziplinen*. Wiesbaden: Harrassowitz, 1999. Pp. 214–242.
- Lehmann 2004 — Lehmann V. Grammaticalization via extending derivation. Bisang W., Himmelmann N. P., Wiemer B. (eds.). *What makes grammaticalization? A look from its fringes and its components*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter. Pp. 169–186.

- Levin, Rappaport Hovav 1995 — Levin B., Rappaport Hovav M. *Unaccusativity. At the syntax — lexical semantics interface*. Cambridge, MA: MIT Press, 1995.
- Łaziński, Wiemer 1996a — Łaziński M., Wiemer B. Terminatywność jako kategoria stopniowalna. *Prace Filologiczne*. 1996. Vol. XL. Pp. 99–126.
- Łaziński, Wiemer 1996b — Łaziński M., Wiemer B. Możliwości rekatetyzacji duratywnej i terminatywnej polskich i niemieckich czasowników przekazu i ich konwersów. Grzegorzyczkowa R., Pajdzińska A. (eds.). *Językowa kategoryzacja świata*. Lublin: UMCS, 1996. Pp. 333–356.
- Maienborn 2004 — Maienborn C. On Davidsonian and Kimian states. Comorovski I., von Heusinger K. (eds.). *Existence: semantics and syntax*. Dordrecht: Kluwer, 2004. Pp. 158–170.
- Parsons 1990 — Parsons T. *Events in the semantics of English: A study of subatomic semantics*. Cambridge (MA): MIT Press, 1990.
- Pazelskaya, Tatevosov 2006 — Pazelskaya A., Tatevosov S. Uninflected VPs, deverbal nouns and aspectual architecture of Russian. Lavine J. E., Franks S., Tasseva-Kurktchieva M., Filip H. (eds.). *Annual Workshop on Formal Approaches to Slavic Linguistics. The Princeton Meeting 2005*. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 2006. Pp. 258–276.
- Ramchand 2002 — Ramchand G. Aktionsart, L-syntax and selection. Verkuyl H. J., de Swart H., van Hout A. (eds.). *Online proceedings of the Perspectives on Aspect conference*. Utrecht: Univ. of Utrecht, 2002.
- Ramchand 2003 — Ramchand G. *First phase syntax*. (Ms.) Oxford: Univ. of Oxford, 2003.
- Ramchand 2008 — Ramchand G. *Verb meaning and the lexicon: A first phase syntax*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2008.
- Sasse 2002 — Sasse H.-J. Recent activity in the theory of aspect: Accomplishments, achievements, or just non-progressive state? *Linguistic Typology*. 2002. Vol. 6. No. 2. Pp. 199–271.
- Smith 1997 — Smith C. S. *The parameter of aspect*. Dordrecht: Kluwer Academic Publ., 1997.
- Thieroff 2000 — Thieroff R. On the areal distribution of tense-aspect categories in Europe. Dahl Ö. (ed.). *Tense and aspect in the languages of Europe*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2000. Pp. 265–305.
- Van Valin 2005 — Van Valin R. D., Jr. *Exploring the syntax-semantics interface*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2005.
- von Stechow 2009 — von Stechow A. *Tenses in compositional semantics*. (Ms.) Tübingen: Univ. of Tübingen, 2009.
- Wiemer 2017 — Wiemer B. Slavic resultatives and their extensions: integration into the aspect system and the role of telicity. *Slavia* 86/2–3. Pp. 124–168.
- Wiemer, Giger 2005 — Wiemer B., Giger M. *Resultativa in den nordslavischen und baltischen Sprachen (Bestandsaufnahme unter arealen und grammatikalisierungstheoretischen Gesichtspunkten)*. München; Newcastle: LINCUM Europa, 2005.
- Wiemer, Seržant 2017 — Wiemer B., Seržant I. A. Diachrony and typology of Slavic aspect: What does morphology tell us? Bisang W., Malchukov A. (eds.). *Unity and diversity in grammaticalization scenarios*. (Studies in Diversity Linguistics, 16, ed. by M. Haspelmath.) Berlin: Language Science Press, 2017. Pp. 230–307.

Получено / received 16.06.2018

Принято / accepted 18.09.2018